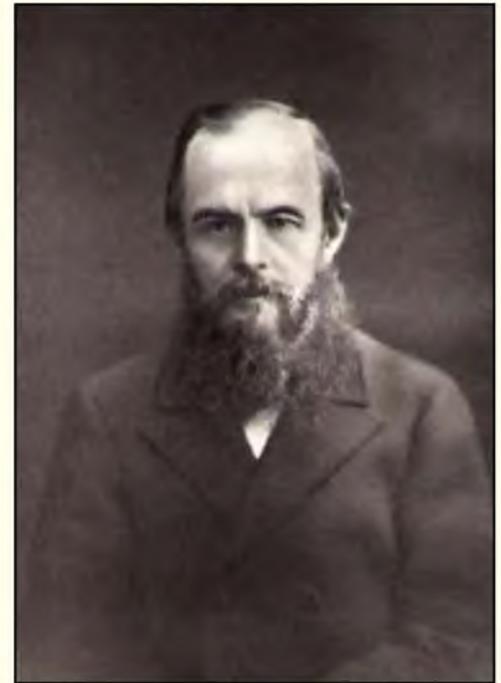

Достоевский, Страхов и Герцен : конфликт или согласие

Илья Овчинников

Дата публикации: **22 Августа 2002**

Одна из главных проблем, которую следует выделить при разговоре о нигилизме в понимании Достоевского и Страхова, - генезис этого сложного явления. Страхов и Достоевский, каждый по-своему, вели "родословную" нигилизма от западничества и персонально от "людей 40-х годов" - таких, как Т.Н.Грановский, В.Г.Белинский, И.С.Тургенев, А.И.Герцен и др. Концепция нигилизма как у Достоевского, так и у Страхова впрямую восходит к роману "Отцы и дети" Тургенева (значению для нашей темы этого автора будет посвящена отдельная глава); речь о нигилизме и нигилистах у обоих писателей практически всегда идет в тесной связи с темой поколений, с конфликтом "отцов и детей".

Огромная роль личности Герцена в концепции нигилизма у Страхова очевидна: работой, посвященной Герцену, открывается трехтомный сборник историко-философских трудов Страхова "Борьба с Западом в нашей литературе" (а "борьба с Западом" в случае Достоевского и Страхова подразумевает и борьбу с нигилизмом как само собою разумеющееся). В этой работе, как будет показано ниже, Страхов изображает и анализирует Герцена как *идеального западника* и *предельного нигилиста*. Достоевский практически нигде столь явным образом не подчеркивает той роли, которую он отводит Герцену в своем понимании нигилизма; однако тем более рельефно в его романах, публицистике, письмах и записных тетрадях выделяются отдельные упоминания о Герцене, относящиеся к теме нигилизма и его зарождения.

Среди тех, кого Достоевский считал "прямыми отцами нигилизма", Герцен занимает совершенно особое место; необходимо заметить, что этот писатель существенно повлиял на отношение Достоевского к Базарову - первому и главному нигилисту в русской литературе и российском общественном мнении 1860-х годов, игравшему важную роль в понимании Достоевским нигилизма. Поэтому представляется целесообразным посвятить отдельную главу значению Герцена в концепции нигилизма у Страхова и Достоевского.

* * *

Достоевский познакомился с Герценом в октябре 1846 г.; незадолго до этого Федор Михайлович пишет М.М.Достоевскому: *"Явилась целая тьма новых писателей. Иные мои соперники. Из них особенно замечателен Герцен (Искандер) и Гончаров... Первенство остается за мною покамест, и надеюсь, что навсегда"*.¹ Многие из литераторов, с которыми Достоевскому довелось столкнуться в начале его литературного поприща, - в первую очередь, Тургенев, Белинский и Некрасов - оставались в фокусе внимания писателя до конца его пути; был среди них, несомненно, и Герцен. Редкие, но незабываемые встречи Достоевского и Герцена, частые упоминания о Герцене в письмах Федора Михайловича, прямые и косвенные ссылки на него в романах Достоевского

говорят о том, что *"Герцен был предметом его частых дум"*, что *"прямой или косвенный... диалог"* ³ Достоевского с Герценом никогда не прекращался. А на рубеже шестидесятых-семидесятых годов к их "разговору" присоединился и Страхов, посвятивший Герцену цикл статей.

Совершая в 1862 г. первую заграничную поездку, Достоевский встречался с Герценом в Лондоне. Их встреча была описана 11 лет спустя в "Дневнике писателя", сама же поездка дала Достоевскому материал для нового произведения. Как отмечает Страхов, *"К Герцену [Достоевский] тогда относился очень мягко и его "Зимние заметки" отзываются несколько влиянием этого писателя"*.⁴ А.С. Долинин в работе "Достоевский и Герцен" уточняет: *"Зимние заметки"... целиком проникнуты им [Герценом] - его мыслями, его восприятиями, его способами доказательств"*.⁵ В свою очередь, "Зимние заметки о летних впечатлениях" важны для нашей темы как раз потому, что в этом произведении содержится развернутый отзыв Достоевского о нигилисте Базарове: *"С каким спокойным самодовольствием мы отхлестали, например, Тургенева за то, что он осмелел... не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять их за свой идеал, а искал чего-то получше, чем мы... Да что же нас краше и безошибочнее в подсолнечной? Ну и досталось же ему за Базарова, беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм"*.⁶

Таким образом, автор "Зимних заметок" - вслед за Страховым, чья статья о романе Тургенева была опубликована в журнале братьев Достоевских "Время" - видел в образе Базарова результат поиска Тургеневым своего идеала. Следует отметить, что здесь Достоевский едва ли находился под влиянием Герцена - мнение последнего об отношении автора "Отцов и детей" к своему герою было в то время противоположным: в письме к Тургеневу от 21 (9) апреля 1862 г. Герцен сетовал на то, что автор *"сильно сердился на Базарова"*, что в образе героя сделан акцент на его *"дерзкой, сломанной, желчевой наружности - на плебейско-мещанском обороте"*.⁷ Более того, - в статье 1864 г. "Новая фаза в русской литературе" Герцен категорично заявляет: *"Тургенев сделал из своего нигилиста "брюзгу-племянника", наделенного кучей всевозможных пороков, - пороков, которые он боится исследовать глубже наружного их покрова. Его герой промелькнул перед вами... не успев даже оправдаться"*.⁸

Важно заметить, что в первой половине 1860-х годов Герцен был решительно не согласен с тургеневско-катковским термином "нигилист": *"...говорить о нигилизме молодых людей, пламенных и преданных, лишь прикидывающихся скептиками, - это грубая ошибка"*. В то же время, Герцен указывал на сходство нового литературного типа с Белинским и Чернышевским и положительно оценивает его возникновение: *"Эти новые люди внесли в литературные формы некоторую жесткость... им недостает такта и иногда изящества. <...> И все-таки этот роман Тургенева - единственно замечательное произведение новой литературной фазы... фазы консервативной"*.⁹ Как известно, появление в литературе базаровского типа также горячо приветствовал Писарев; неудивительно, что к концу десятилетия его мнение о Базарове и о нигилистах весьма заинтересовало Герцена.¹⁰

После 1862 г. Достоевский и Герцен встречались еще дважды: в 1863 и 1868 гг. О последней их встрече нам известно, в частности, со слов Достоевского, писавшего А.Н. Майкову из Женевы в марте 1868 г.: *"С нашими умниками противно и встретиться... С Г<ерценом> случайно встретился на улице, десять минут проговорили враждебно-вежливым тоном с насмешечками, да и разошлись... Как они... отстали, до какой степени они ничего не понимают. А распухли, распухли-то как!"* ¹¹ Агрессивный тон, в котором Достоевский пишет о Герцене, не случаен: несколькими строками выше писатель сетует на западников, не понимающих, не чувствующих органичности монархического строя для России:

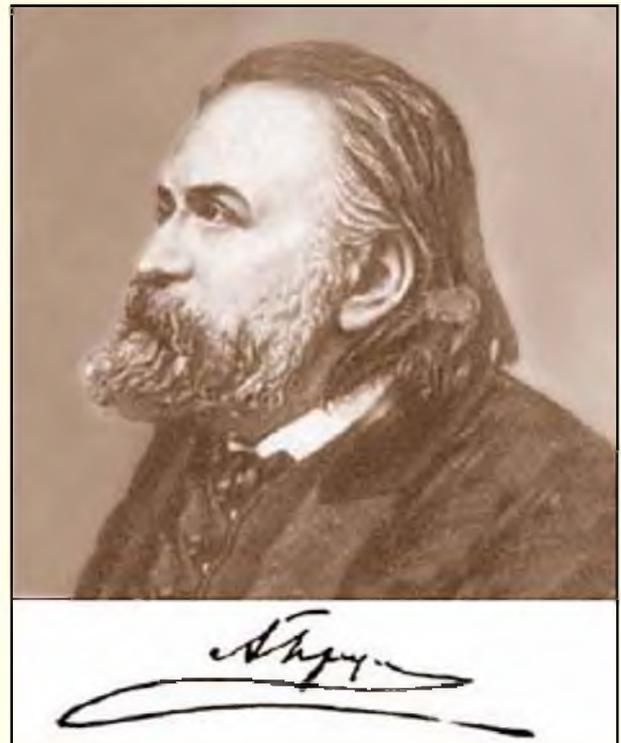
"Наше несчастное, оторванное от почвы сословие умников, - увьи! - тем и должно было кончить. Они с тем и умрут, их не переделаешь. (Тургенев-то!) <...> Западники ничего в этом не понимают..." ¹² Следует напомнить, что с 1867 г. Достоевский находился в ссоре с Тургеневым, причем одним из основных поводов для конфликта были как раз прозападнические симпатии последнего, выразившиеся как в романе "Дым", так и в устных беседах. Со временем озлобленность Достоевского на Тургенева лишь возрастала; будущий автор "Бесов" видел в своем

оппоненте человека, оторвавшегося от родной почвы и не стеснявшегося бравировать этим. Чем дальше, тем сильнее в сознании Достоевского нигилизм сближался с западничеством, олицетворенным в авторе "Отцов и детей" в худшей своей форме.

Резкая оценка, данная Достоевским Герцену в письме, может показаться тем более естественной, что волей писателя Герцен попал в один ряд с Тургеневым. Однако даже если допустить абсолютную искренность враждебного тона, которым Достоевский рассказывает о своей последней встрече с Герценом, следует иметь в виду: двум писателям предстояла еще одна - теперь уже действительно последняя - встреча в мире идей. И здесь они оказались союзниками в гораздо большей степени, нежели можно предположить: как указывает исследователь, *"прямой, открытый идейный и творческий диалог"* с Герценом углубляется и приобретает в художественном мире Достоевского все большую значимость *"по мере личного и идейного отдаления, как это ни парадоксально"*.¹³

* * *

Если в первой половине шестидесятых Герцену казалось, что в образе Базарова отрицательные черты преувеличены, то позже мнение писателя изменилось. В 1869 г. появляется статья "Еще раз Базаров", основным содержанием которой является полемика со статьей Писарева "Базаров". Здесь Герцен уже не упрекает Тургенева в преувеличении неприглядных черт героя - напротив, он отмечает их как характерные черты данного типа и указывает на прямую преемственность между своим и базаровским поколениями. Примечательно, что Герцен заявляет: *"...мы вовсе не узнаем себя в Кирсановых"* и спешит "отмежеваться" от них, называя их *"самыми пошлыми представителями отцов"*; ¹⁴ при этом его в равной степени возмущают презрение Базарова к старшему поколению и желание Писарева подобным же образом "отмежевать" Базарова от его отцов и предшественников.

Как мы помним, Писарев противопоставлял, с одной стороны, деятельного Базарова и, с другой стороны, пассивных "лишних людей" - Онегина, Печорина, Рудина, Бельтова. Герцен, в свою очередь, предлагает вести историю базаровского типа не от Онегина, а от декабристов; он не согласен с утверждением Писарева о неспособности к действию поколения Рудиных и Бельтовых, к которому Герцен причисляет и себя. Несколькими годами раньше писатель считал определение *"нигилист"* несправедливым, если не клеветническим; теперь же нигилизм трактуется Герценом как безусловно критический взгляд на действительность, доверяющий только опыту, побуждающий к действию, и показан как одно из главных нравственных достижений поколения сороковых годов.

"Что же наше поколение завещало новому?" - спрашивает Герцен. - *"Нигилизм"*.¹⁵ Нигилистами в этом смысле называются и Белинский, и Бакунин, и петрашевцы, и сам автор. Упоминание петрашевцев в данном контексте крайне важно, поскольку среди них был и Достоевский. Как доказано исследователями,¹⁶ Федор Михайлович внимательно читал статью Герцена о Базарове и его мемуары, - эти произведения оказали заметное влияние на понимание Достоевским нигилизма. И его отношение к данному явлению было тем более сложным и личностным, что он никогда не забывал о своем "нигилистическом" прошлом, на которое здесь указывает Герцен.

Следует заметить: главным объектом анализа в статье "Еще раз Базаров" становится не столько тургеневский Базаров как таковой, сколько Базаров в понимании и интерпретации Писарева: *"Важно то, что он [Писарев] в Базарове узнал себя и своих и добавил, чего недоставало в книге."*

...это не его личный идеал, а тот идеал, который... носился в молодом поколении и воплощался не только в разных героях повестей и романов, но в живые лица, старавшиеся принять в основу действий и слов своих базаровщину".¹⁷ Видя в Базарове своего прямого "потомка", Герцен в то же время обращает куда более пристальное внимание на "базароидов": его, как и Достоевского, интересует ситуация, в которой та или иная благородная идея опошляется, попадая "на улицу".

Таким образом, отдавая должное *собственно Базарову*, Герцен отмечает среди своих молодых современников вульгаризированные проявления именно *базаровщины*: "Я нарочно разграничил базаровщину с нигилизмом",¹⁸ - уточняет он в одном из писем к Огареву. Неудивительно, что реальные, невыдуманные "Базаровы", как правило, не признавали тургеневского героя своим: так, М.А. Антонович в статье "Асмодей нашего времени" оценивал "Отцов и детей" как злую клевету на кружок "Современника", а Базарова - как карикатуру на нечто несуществующее, как выдумку.¹⁹ Схожие суждения мы встречаем в воспоминаниях писательницы Е.Н. Водовозовой: "Весь роман - сплошная гнусная карикатура на молодое поколение!" - "Это презренный пасквиль!" - "Трудно сочинить большую клевету..."^{20, 21} Такие черты Базарова, как резкость, бесцеремонность, повышенное самомнение, ироничное отношение к народу, видимое неуважение к старшему поколению, презрение к искусству и т.п. - казались, да и были слишком неприглядными. Однако именно их, как показывает Герцен, и было проще всего взять на вооружение.

В статье Герцена предполагалось, что Базаров мог бы всерьез заняться наукой, если бы остался жив, и вскоре бросил бы свои дурные манеры; но совершенно обратное писатель видел в окружавших его представителях "молодой эмиграции". О них рассказано в отдельной главе "Былого и дум", где они охарактеризованы как "*Собакевичи и Ноздревы нигилизма*".²² Очевидно, что эти люди были не настолько воинственны и опасны, как, например, тот же С.Г. Нечаев. Но Герцен при всем желании не мог признать за ними своих преемников: "новые люди" отличались безразличием к образованию, презрением к старшему поколению, незнанием России и ее народа, были больше всего заняты сами собой. С их появлением в Швейцарии, пишет Герцен, "...горизонт наш не расширился... а сузился <...> Они шли... с обрушившейся сцены, на которой уже выступали актерами <...> Наукой или делами они занимались мало... России вовсе не знали..."²³

Хотя не все молодое поколение соответствовало подобной характеристике, Герцен указывает на "*дантистов нигилизма*" и представителей "*базаровской беспардонной вольницы*" как на тип достаточно характерный и распространенный. Очередная отсылка к роману "Отцы и дети" не случайна: по замечанию исследователя, "*писаревский Базаров... явился для Герцена лишь поводом для его острой полемики с конкретными представителями швейцарской "молодой эмиграции"*".²⁴ Иными словами, свой конфликт с молодым поколением - "*дантистами нигилизма*" или "*базароидами*" - Герцен воспринимал не иначе, как в системе координат, заданной тургеневским романом. По наблюдению автора "Былого и дум", "*Русские молодые люди, приезжавшие после 1862, почти все были из "Что делать?", с прибавлением нескольких базаровских черт*".²⁵

Как следует из приведенных выше слов Герцена, в статье "Еще раз Базаров" он с явным неодобрением говорит о Базарове как об идеале Писарева и его поколения. В то же время, многое в этом герое симпатично Герцену; он видит связь между лучшими представителями своего поколения и такими, как Базаров. Однако, даже если сфокусировать внимание *исключительно* на тех чертах тургеневского героя, которых в нем не принимает автор статьи, то нельзя не заметить: "базароиды", которых видел вокруг себя Герцен, пугали и отвращали его гораздо сильнее, нежели Базаров. По замечанию Л.С. Радека, "...герой представляется [Герцену] *недостижимой вершиной в сравнении с недостойными последователями*".²⁶

* * *

Отношение Достоевского к Базарову в своей сложности схоже с тем, как этого героя оценивал Герцен. При этом в период работы над "Бесами" понимание тургеневского героя дополнялось отношением Достоевского к его автору - отношением болезненным и пристрастным. Письмо Достоевского Тургеневу, в котором шла речь о Базарове, до нас не дошло; для исследователей

главным источником реконструкции отзыва писателя является цитируемый выше фрагмент из "Зимних заметок", в котором Достоевский говорит о Базарове как о результате поиска Тургеневым своего идеала. Но о Базарове как об идеале говорил и Герцен, видя в этом герое воплощение идеала Писарева и его единомышленников. Важно заметить, что и до конфликта с Тургеневым Достоевский осознавал: в жизни "Базаровы" не слишком похожи на героя "Отцов и детей" (не случайно многие из героев Достоевского, являющиеся носителями "высокой идеи", сопровождаются "двойниками", опошляющими и снижающими эту идею - так же, как Базарова сопровождает Ситников). Со всей отчетливостью это мнение выражено в одной из подготовительных записей к "Бесам":

"...без нарушения правды человек сороковых годов не мог написать Базарова.

- Чем же он изломан?

- На пьедестал поставлен, тем и изломан".²⁷

Как поясняет Н.Ф.Буданова, Достоевский имеет в виду, что Тургенев *"идеализировал в Базарове тип современного нигилиста... что является нарушением художественной правды"*.²⁸ С большой степенью вероятности можно предположить, что в записи Достоевского отразилось и замечание Страхова. В статье 1869 г. "Критические заметки", посвященной биографии Грановского и хорошо знакомой Достоевскому, критик анализировал развитие российского западничества и указывал на прямую связь его с нигилизмом - особенно очевидную после того, как *"...Тургенев с такою удивительною меткостью начертил образ Базарова и в некотором роде поставил его на пьедестал"*.²⁹

Точка зрения Достоевского определялась также его отношением к очерку Тургенева "По поводу "Отцов и детей", в котором утверждалось: *"Базаровский тип имел по крайней мере столько же права на идеализацию, как предшествовавшие ему типы"*.³⁰ Тургенев ссылаясь на отзыв германского критика Людвиг Пича (для Достоевского подобная ссылка могла служить дополнительным аргументом в пользу неразрывной связи нигилизма и западничества): по какой же причине, спрашивает тот, *"могла радикальная русская молодежь... войти в такую ярость, что подвергла сочинителя формальной опале и осыпала его всяческой бранью? Можно было скорее предположить, что всякий новейший радикал... признает свой собственный портрет, своих единомышленников"*.³¹

Однако если Тургенев считал, что изобразил Базарова объективно, не преувеличив и не приуменьшив его достоинств и недостатков, то большинство реальных, невыдуманных "Базаровых" не захотело узнавать себя в герое "Отцов и детей", что уже подчеркивалось выше. В "Бесах" об этом рассуждает Степан Трофимович Верховенский (в черновых записях Достоевский называет его "Грановским") - человек одного поколения с Герценом: *"...Базаров это какое-то фиктивное лицо, не существующее вовсе; они же первые и отвергли его тогда, как ни на что не похожее. Этот Базаров это какая-то неясная смесь Ноздрева с Байроном... Посмотрите на них внимательно... они счастливы, они победители! Какой тут Байрон!"*³² Степан Трофимович знал, о чем говорил: опошленным и окарикатуренным Базаровым, без всякого намека на "тоскующее сердце", был его родной сын - Петр Верховенский (он же "Нечаев"). Упоминание же о Ноздрева возвращает нас к Герцену, говорившему о *"Собакевичах и Ноздревых нигилизма"*.

По наблюдению Н.Ф.Будановой, Петруша не случайно напоминает Базарова в интерпретации Герцена (точкой отсчета для которого, в свою очередь, служит не столько "тургеневский", сколько "писаревский" Базаров) - *"базароида"*. Достоевский обращается не только и не столько к образу главного героя "Отцов и детей", сколько к типу его грубых эпигонов. Таким образом, для понимания *базаровщины* - нигилизма, попадающего "на улицу" - и осмысления того, каким образом она перерождается в *нечаевщину*, Достоевскому оказался крайне полезен опыт Герцена, включающий переоценку Базарова и конфликт с "молодой эмиграцией". Наша задача - понять, воздал ли Достоевский Герцену должное или же удостоил его "окончательной плети", которой требовал для нигилистов и западников.

В 1873 г. роман "Бесы" вышел отдельным изданием. Экземпляр был послан наследнику престола А.А.Романову вместе с сопроводительным письмом. В нем Достоевский говорил: "...главнейшие проповедники нашей национальной несамобытности с ужасом и первые отвернулись бы от нечаевского дела. Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если б им сказали, что они прямые отцы Нечаева. Вот эту родственность и преемственность мысли, развившейся от отцов к детям, я и хотел выразить в произведении моем".³³

Как мы помним, несколькими годами раньше Достоевский в одном из писем ставил на первое место среди "проповедников нашей национальной несамобытности" именно Тургенева и Герцена - соответственно, оба они становятся и в ряд "отцов Нечаева". И если, по словам Герцена, в "Отцах и детях" Тургенев "вместо того, чтоб посесть сына, выпорол отцов",³⁴ то в "Бесах" досталось и тем, и другим; причем в роли духовного отца Нечаева - Петра Верховенского - был выведен именно Тургенев - Кармазинов (в соответствующей главе этот вопрос будет рассмотрен подробно). Какова же в таком случае, по представлению Достоевского, роль Герцена в генеалогии нечаевцев?

В процессе работы над "Бесами", наряду со статьей "Еще раз Базаров", Достоевский внимательно изучал очерк Тургенева "По поводу "Отцов и детей" (важно заметить, что и Достоевский, и Тургенев, и Герцен обратились к осмыслению образа Базарова практически одновременно - в 1869 г.). Этот очерк глубоко возмутил, даже оскорбил Достоевского (реакция Страхова была более спокойной - ниже мы скажем об этом подробнее). Спустя несколько лет после появления романа "Отцы и дети" его автор признавался в том, что разделяет почти все убеждения Базарова и даже сам готов называться нигилистом, а также напоминал о том, что является неисправимым западником: "Ни отцы, ни дети, - сказала мне одна остроумная дама по прочтении моей книги, - вот настоящее заглавие вашей повести - и вы сами нигилист"... Не берусь возражать; быть может, эта дама и правду сказала".³⁵

Признание Тургенева вызвало у Достоевского злую иронию; оно не раз обыгрывается в черновиках "Бесов": "Слухи о том, что Тургенев нигилист..."; "Великий поэт: "Я нигилист" и т.п.³⁶ - в итоге Тургенев представлен в романе под именем Кармазинова, "тайно сочувствующим нечаевской партии".³⁷ Вполне можно было бы предположить, что Герцен и здесь окажется - в представлении Достоевского - "на одной доске с Тургеневым". Напомним ключевую мысль статьи Герцена "Еще раз Базаров": "Декабристы - наши великие отцы, Базаровы - наши блудные дети. <...> Что наше поколение заветало новому? Нигилизм".³⁸ Нетрудно представить себе, насколько "компрометирующими" мог счесть эти строки Достоевский, как зло они могли бы быть спародированы в "Бесах". Попробуем разобраться в том, почему этого не произошло.

Ю.Ф.Карякин в работе "Прозрения и ослепления (О "Бесах")" утверждает, что проникновение Достоевского в суть нечаевщины было прозрением, повлекшим за собою ослепление: "прозрение-ослепление вместе, одновременно".³⁹ Развивая этот тезис, автор, по нашему мнению, допускает принципиальную неточность: "Тургеневы, Герцены... Чернышевские - все они взяты за одну скобку, все поставлены на одну доску, в один ряд... <...> А в этом ослеплении все ему [Достоевскому] показались, все примерещились - бесами, даже Тургенев, даже Герцен".⁴⁰ И если утверждение Карякина насчет тенденциозности романа "Бесы" и предвзятости его автора представляется справедливым (о преобладании в будущем романе "тенденциозной стороны" писал сам Достоевский),⁴¹ то упоминание в этом ряду Герцена и Чернышевского (значение которого для нашей темы будет подробно рассмотрено в соответствующей главе) - не более чем допущение. Подобную же неточность, на наш взгляд, допускает С.Д.Лищинер, говоря о том, что Достоевский "возложил на самого Герцена ответственность за "уличное" применение его идей "детьми".⁴²

Вспомним письмо Достоевского наследнику А.А.Романову: "Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если б им сказали, что они прямые отцы Нечаева".⁴³ Случайно ли отсутствие здесь имени Герцена? Думается, ни в коей мере - несмотря на то, что словами "Базаровы - наши блудные дети. <...> Что наше поколение заветало новому? Нигилизм"⁴⁴ Герцен фактически признал себя если не "прямым отцом Нечаева", то одним из идейных вдохновителей нигилизма. Говоря о "Базаровых" во множественном числе, Герцен брал на себя ответственность за все недостатки и

грехи "базаровского поколения" в целом; для Достоевского это тем более очевидно, что "прямой отец Базарова" Тургенев подчеркивает свою близость, разумеется, не к Ситникову, но к *идеальному герою* Базарову, - "...я разделяю почти все его убеждения"⁴⁵ - Достоевский видит в этом заискивание Тургенева перед молодежью.

Коль скоро Достоевскому были знакомы обе статьи, он не мог не обратить внимания на огромную разницу в том, каким именно образом Тургенев и Герцен "сознавались" в своем *нигилизме*. Неудивительно, что Достоевскому куда ближе позиция Герцена: в романе "Бесы" целью автора было не только и не столько идейно разгромить "*нигилистов и западников*", сколько искупить свою меру ответственности (о которой Достоевский позже говорил открыто, называя себя "*старым нечаевцем*").⁴⁶ Не случайно одним из прототипов Николая Ставрогина - идейного вдохновителя большинства *нигилистов* ("нечаевцев") в романе и притом воспитанника Степана Трофимовича Верховенского ("Грановского") - стал Николай Спешнев, товарищ Достоевского по обществу петрашевцев, а главное - человек одного с Достоевским, Герценом и Тургеневым поколения тридцатых-сороковых годов: вслед за Герценом, Достоевский видел между петрашевцами и нечаевцами прямую связь.

"Я хотел поставить вопрос... - напишет Достоевский позже в "Дневнике писателя": - ...*каким образом может случиться, что эти Нечаевы набирают себе под конец нечаевцев?*"⁴⁷ Если писатель разгадывал эту "загадку Нечаева" в течение всего времени работы над романом, то Герцен - в реальности - смог разгадать ее быстрее. По приезду в Швейцарию в марте 1869 г. Нечаеву удалось быстро склонить на свою сторону Н.П.Огарева и М.А.Бакунина: в его словах о том, что Россия стоит на пороге всенародного бунта, старые революционеры видели подтверждение того, что их дело живет, а главное - "*перспективу скорого возвращения на родину на белом коне*".⁴⁸ Однако очаровать Герцена Нечаев не смог: тот сразу понял, что рассказы о грядущем восстании, всероссийском революционном обществе и личной роли в нем Нечаева - не более, чем "хлестаковщина". Как указывает Ф.М.Лурье, "*Не встречаясь с Нечаевым, прочитав лишь первую его прокламацию, он [Герцен] проникся к новоявленному революционеру стойкой брезгливой неприязнью*".⁴⁹

Разумеется, Достоевский не мог знать в подробностях о взаимоотношениях, с одной стороны, Нечаева и, с другой, Герцена, Бакунина и Огарева. Тем показательнее, что один из эпизодов этих сложных отношений, будучи своеобразно отражен в романе "Бесы", превратился в важнейший штрих к образу Герцена в восприятии Достоевского. Речь идет о стихотворении Огарева - ближайшего друга и соратника Герцена - "Студент", представленном в "Бесах" в виде литературной пародии (мало чем, надо заметить, отличающейся от оригинала) под названием "Светлая личность". Эта пародия многократно привлекала внимание исследователей;⁵⁰ но в литературе, как ни странно, нам ни разу не встречалось освещение действительной роли этого стихотворения в отношении Достоевского к Герцену. Какова же эта роль?

Стихотворение "Студент" было посвящено Огаревым "*памяти моего друга Сергея Астракова*";⁵¹ однако Бакунин настоял на том, чтобы "Студент" попал в Россию в виде листовки с посвящением "*Молодому другу Нечаеву*". Огарев согласился, Нечаеву же подобное посвящение могло послужить беспроигрышной "рекламой". Стихотворение словно само напрашивалось на пародию - не случайно во время процесса над нечаевцами адвокат В.Д.Спасович говорил: "*Хотя Огарев не первостепенный поэт, но стихи эти до такой степени слабы и плохи, что трудно предполагать, чтобы даже и на старости лет они вышли из-под пера Огарева...*"⁵² Согласно воспоминаниям Александры Успенской (жены нечаевского соратника Петра Успенского), в ходе суда предполагалось даже, будто стихотворение "Студент" "*Нечаев сам написал и сам себе посвятил*".⁵³ По-видимому, подобной точки зрения придерживался и Достоевский, внимательно следивший за материалами процесса.

В "Бесах" имя Герцена упоминается более десяти раз, из них дважды - в связи со стихотворением "Светлая личность", которое, по утверждению Петра Верховенского, ему посвятил сам Александр Иванович. Примечательно, что этой версии не верит ни Шатов - антагонист Верховенского, ни его ближайший соратник Липутин: "*Я думаю тоже, что и стишонки "Светлая личность", самые*

дрянные стишонки, какие только могут быть, и никогда не могли быть сочинены Герценом".⁵⁴ Более того: при всем желании в это не может поверить и сам Верховенский, поскольку в романе автор стихотворения - он сам: *"Вы врете; стихи хороши"*, - невольно выдает себя Петр Степанович, никогда ни одного сочинителя не хваливший: атрибуция *"Светлой личности"* после столь неосторожного признания не может вызывать сомнений", - подытоживает Л.И.Сараскина.⁵⁵ Тем менее убедительно утверждение Ю.Ф.Карякина, допускающего ради своей концепции "ослеплений" Достоевского еще одну неточность: будто бы сближая Герцена с Нечаевым, *"...Герцену Достоевский в "Бесах" приписывает стихотворение, посвященное Нечаеву. Стихотворение это принадлежит Огареву, так и не внявшему советам друга"*.⁵⁶

Подобное утверждение прямо противоречит верной трактовке замысла Достоевского: ведь стихотворение "Светлая личность" Герцену приписывает не писатель, но его персонаж. А поскольку Достоевский не мог знать о том, что стихотворение "Студент" получило посвящение *"Молодому другу Нечаеву"* в первую очередь по инициативе самого Нечаева, то "Светлая личность" как штрих к портрету Петра Верховенского обретает еще более тонкий и важный смысл: как и Нечаев, Верховенский пытается спекулировать на близком знакомстве с революционерами старшего поколения, и основным аргументом, будто бы подтверждающим эту близость, становится факт посвящения ему стихотворения. Однако этот факт является ложным - как и в случае с Нечаевым, что очевидно непосредственно из текста "Студента". По замечанию исследователя, *"В стихотворении сказано о герое: "Жизнь он кончил в этом мире - в снежных каторгах Сибири..." Однако Нечаев, как хорошо было известно современника, в то время еще не только жизни не кончил, но и ни в каких "снежных каторгах" не бывал!"*⁵⁷ И если Петруше стихотворение "Светлая личность" служит лишь средством для того, чтобы приблизиться к Герцену, "прикрыться" его именем, - *"сам Герцен в альбом написал"*-⁵⁸ - то для Достоевского сочиненная Петрушей "Светлая личность" есть неопровержимое доказательство того, что Герцен и Нечаев ни в коем случае не могли быть союзниками.

* * *

Любопытно, что в "Бесах" Достоевский прямо или косвенно "сводит" Герцена с нигилистами еще как минимум дважды, причем в схожих контекстах: речь идет о предсмертных записках самоубийц Ставрогина и Кириллова. Так, Ставрогин начинает свое письмо с сообщения о том, что он, *"как Герцен, записался в граждане кантона Ури"*,⁵⁹ куда и собирается переселиться навечно. Однако швейцарский кантон Ури оказывается для Ставрогина не чем иным, как фантомом - сразу вслед за письмом его ждет петля. Ситуация с Кирилловым иная - записку, в которой он берет на себя все преступления Петра Верховенского и его товарищей, венчает подпись *"de Kiriloff, gentilhomme russe et citoyen du monde"* (*"Кириллов, русский дворянин и гражданин мира"*):⁶⁰ буквально этой же формулой Достоевский характеризует Герцена в очерке 1873 г. "Старые люди". В чем смысл подобного сближения?

Частичный ответ на этот вопрос мы находим здесь же, в "Дневнике писателя": *"Герцен не эмигрировал, не полагал начало русской эмиграции; нет, он так уж и родился эмигрантом"*.⁶¹ Пусть и сблизившись во многом с Герценом в восприятии нигилизма, Достоевский, вероятно, не мог простить ему именно этого обстоятельства: уже в "Зимних заметках" содержалась ирония в адрес тех русских, которые *"окончательно там [в Европе] поселились, забывают свой язык и начинают слушать католических патеров"*.⁶² В 1867 г., после ссоры с Тургеневым, Достоевский "перенес" большую часть этой иронии именно на него:⁶³ *"Знайте, что я здесь поселился окончательно, что я сам считаю себя за немца, а не за русского, и горжусь этим!"* - в передаче Достоевского эти слова Тургенева почти буквально повторяют приведенную фразу из "Зимних заметок". В схожем ключе вышеупомянутую формулу "русский дворянин..." характеризует Н.Ф.Буданова: *"Писатель несомненно намеренно употреблял вместо русского слова "дворянин" французское "gentilhomme", чтобы подчеркнуть "космополитизм" русского дворянства, его отрыв от национальной "почвы"*.⁶⁴

Однако ко времени работы над "Бесами" отношение Достоевского к Герцену стало гораздо более

сочувственным по сравнению как со временем появления "Зимних заметок", так и с моментом их последней встречи (как будет показано ниже, здесь имело место значительное влияние Страхова). В известной мере писатель, безусловно, понимал необратимость положения того, кто сразу "родился эмигрантом"; как раз об этом, хотя и достаточно зло, он писал Майкову в 1868 г.: "Они с тем и умрут, их не переделаешь".⁶⁵ Не случайно, начиная работу над образом Степана Трофимовича Верховенского и "примеряя" к нему некоторые черты Герцена, Достоевский делает следующую запись: "Становит себя бессознательно на пьедестал, вроде мощей, к которым приезжают поклониться, любит это".⁶⁶

Тот факт, что Герцену пришлось окончить свои дни за границей, мог лишь закрепить в сознании Достоевского тождественность эмиграции и смерти, казавшуюся ему очевидной: как мы помним, Свидригайлов накануне самоубийства объявляет о намерении отправиться в Америку. Неудивительно, что Ставрогин, многими своими чертами близкий этому персонажу "Преступления и наказания", фактически повторяет путь Свидригайлова - и притом уподобляется Герцену. Разумеется, следует иметь в виду известную степень метафоричности этого "тождества"; если Достоевский применяет к Герцену и к самоубийце Кириллову одну и ту же ироническую формулу "русский дворянин и гражданин мира", то в подготовительной записи к "Дневнику писателя" за октябрь 1876 г. сказано: "Немыслимо и представить даже себе, чтоб такой страстный верующий Герцен мог убить себя".⁶⁷ Эта важнейшая оговорка открывает нам еще один смысл в сближении имени Герцена с самоубийцами из романа "Бесы".

Рассуждая о западниках, "родившихся эмигрантами" ("хотя большинство их не выезжало из России"), Достоевский обращает внимание на важнейшую черту представителей данного типа: "Отделясь от народа, они естественно потеряли и Бога. Беспокойные из них стали атеистами...".⁶⁸ В образах Ставрогина и Кириллова отсутствие веры также является определяющей чертой, хотя в неверии того и другого есть различия, о которых говорит архиерей Тихон: "Совершеннейший атеист стоит на предпоследней верхней ступени до совершеннейшей веры... а равнодушный никакой веры не имеет...".⁶⁹ Едва ли Достоевский мог обвинить Герцена в равнодушии - скорее, он видел в нем именно того, кто стоит "на предпоследней верхней ступени".

Думается, как раз подобную "предпоследнюю ступень" имел в виду Страхов, чья работа о Герцене заключалась выводом: "Отчаявшийся западник превратился в нигилистического славянофила, а во многих отношениях оказался истинно русским человеком".⁷⁰ В одном из писем к Страхову Достоевский в общих чертах подтверждал этот вывод: "...всякий чуть-чуть значительный и действительный талант - всегда кончал тем, что обращался к национальному чувству... Посмотрите опять на Герцена: сколько тоски и потребности поворотить на этот же путь и невозможность из-за скверных свойств личности. ...если человек талантлив действительно, то он из выветрившегося слоя будет стараться воротиться к народу...".⁷¹

Тип нигилиста, стоящего "на предпоследней верхней ступени до совершеннейшей веры", очень важен для Достоевского - таковы Раскольников, Кириллов, Шатов и многие другие. Однако те из них, кто неспособен сделать этот последний шаг до совершеннейшей веры, - как правило, обречены. Обреченным в видении Достоевского являлся и эмигрант Герцен: если и славянофил, то - нигилистический. И хотя автор "Бесов" проводит четкую границу между Герценом и нечаевцами, он в то же время намеренно сопоставляет его с другими нигилистами, оторвавшимися от родной почвы. Таким образом, в борьбе с нигилизмом Герцен - скорее союзник Достоевского; но, с точки зрения Федора Михайловича, в конечном итоге Герцен - как западник и как эмигрант - наряду с нигилистами терпит духовное поражение.

Следует иметь в виду, что многие отзывы Достоевского о современниках действительно носят крайне резкий характер, и наша задача - понять, до какой степени отдельно взятый факт, отдельно взятое высказывание отражает общую картину. Так, со счетов нельзя сбрасывать упомянутый выше рассказ Достоевского о встрече с Герценом в 1868 г., содержащий уничтожающую оценку "сословия умников" - западников - "отцов". Вряд ли Достоевский мог знать, что именно в это время обострился конфликт Герцена с "молодой эмиграцией" и что вскоре Герцен напишет Огареву о "Собакевичах нигилизма" - "детях" - в подобном же резком тоне:

"Как же не раздавить всю эту мошенническую шайку, позорящую молодое поколение. <...> Тургенев с ними только пошутил - их надобно выставить к позорному столбу - во всей их наготе, во всем холуйстве и наглости, в невежестве и трусости, в воровстве и доносничестве".⁷² Любопытно, что через неделю Герцен практически дословно повторяет эту характеристику, но уже "от противного" (причем роман Тургенева и его герой вновь выступают в роли некоей абсолютной "точки отсчета" для нигилизма и нигилистов): "Базаров нравственно - выше последующих базароидов. Он у Тургенева - храбр, умен, не вор, не доносчик, не вонючий клоп".⁷³

Как видно из этих слов, еще за год до встречи с прототипом Петра Верховенского Герцен с присущей ему прозорливостью отмечал характерные черты, которые *"носились в молодом поколении"* и вскоре воплотились в таком монстре революционного движения, как Нечаев. Год спустя "нечаевское дело" побудило Достоевского объявить в письме к Страхову от 24 марта (5 апреля) 1870 г.: *"Нигилисты и западники требуют окончательной плети"*,⁷⁴ и это никак не обвинение Герцену (на чем настаивает Ю.Ф.Карякин), но - прямая переключка с его словами. Включение Карякиным Герцена в условный список "бесов", требующих - по Достоевскому - "окончательной плети",⁷⁵ является неточностью еще и потому, что значительная часть этого же письма Достоевского к Страхову посвящена как раз Герцену - уже покойному. И если в "Бесах" Достоевский указывал на огромную дистанцию между нечаевцами и Герценом, то в письме подчеркнул не меньшую дистанцию между Герценом и большинством западников (в данном контексте мало чем отличающихся от нигилистов). Обсуждая со Страховым работу последнего о Герцене (публиковавшуюся в те месяцы в журнале "Заря"), Достоевский обращал особое внимание на одну из главных идей этой работы: показ разочарования Герцена в европейских ценностях. *"И каково же это будет, когда Вы докажете, что Г<ерцен> раньше многих других сказал, что Запад гниет? Что скажут западники времен Грановского?"*⁷⁶ Как замечает по этому поводу В.А.Твардовская, *"в своем неприятии западничества... Достоевский готов взять в союзники и Герцена, имея в виду его ставку на самобытность развития России"*.⁷⁷

Разочарование в Западе, в европейском социализме - тот пункт, в котором Достоевский должен был чувствовать к Герцену особую близость, ведь в известном смысле он и сам являлся "разочаровавшимся социалистом". И когда Герцен говорил о необходимости для своего поколения *"отдать дорогое, если мы убедимся, что оно не истинно"*,⁷⁸ о неверии в *"прежние революционные пути"*, в глазах Достоевского это напрямую соотносилось с той "переоценкой ценностей", которую ему довелось пережить на каторге и в ссылке. Запоздалая переоценка происходила и у героя "Бесов" Степана Трофимовича Верховенского; и хотя основным его прототипом явился Т.Н.Грановский, многие черты "разочаровавшегося западника" достались этому персонажу непосредственно от Герцена.⁷⁹ В этом отношении на автора "Бесов" повлияли упомянутые выше работа Страхова "Герцен", а также книга "Былое и думы", которую Достоевский стал перечитывать, узнав о смерти Герцена, - Грановскому посвящены многие ее страницы. Помимо этого, важную роль сыграла подробнейшая рецензия Страхова на книгу А.В.Станкевича о Грановском: намерение Достоевского дать *"портрет чистого и идеального западника"* напрямую восходит к страховским "Критическим заметкам", где неоднократно повторяется подобная оценка этого деятеля.

* * *

Вряд ли будет преувеличением сказать, что Грановский и Герцен олицетворяют для Страхова две крайние точки западничества, его альфу и омегу. Так, в рецензии на биографию Грановского Страхов подчеркивает основную черту характера этого "чистого западника", определившую как его достижения, так и его ошибки: *"Ничего мрачного мы не найдем ни в самом Грановском, ни в его воззрениях. Это был некоторого рода энтузиаст истории - и в распространении этого энтузиазма..."*

состоит главная заслуга Грановского. <...>
Проповедь Европы и европейской цивилизации со времен Грановского продолжалась непрерывно".⁸⁰
По мнению Страхова, энтузиазм Грановского носил весьма общий, неопределенный характер; это обусловило "анти-историчность" его мышления и явилось причиной его одностороннего видения русской и мировой истории (а в итоге - причиной исторической несостоятельности русского западничества).

На этом фоне прямым противопоставлением выглядит характеристика, которую Страхов дает Герцену. *"По всему своему душевному строю, по своим чувствам и взгляду на вещи, Герцен был от начала до конца своего поприща пессимистом, т.е. темная сторона мира открывалась ему яснее, чем светлая, - этим замечанием Страхов открывает свои размышления о Герцене. - Все, что есть глубокомысленного у Герцена, глубокомысленно только в этом отношении, то есть как глубокое развитие пессимизма..."*.⁸¹ С точки зрения Страхова, именно пессимизм Герцена лежал в основе его видения текущих и грядущих исторических процессов; именно в силу своего пессимизма Герцен-западник смог преодолеть западничество и стать нигилистом в высшем смысле слова. Соответственно, энтузиазмом и пессимизмом определяется характер отношения к Западу: "чистое", неопределенное, восторженное западничество Грановского и последовательное, критическое, отрицающее в итоге само себя западничество Герцена.

Из этих двух начал, с точки зрения Страхова, и родился русский нигилизм, лучшим представителем которого оказался именно Герцен: *"Сперва отречение от своего, потом - отречение и от чужого. Это и есть настоящий нигилизм, или по крайней мере его исходная точка"*.⁸² Но если "отречение от чужого", т.е. преодоленное западничество, в видении Страхова - род крайнего, предельного нигилизма, то нигилизм в более широком, расхожем понимании берет начало именно в "отречении от своего", в неверии в Россию и в симпатиях к Западу: *"Прежде всего нигилизм есть некоторое западничество"*,⁸³ - указывает Страхов двумя годами ранее. (В этом отношении он был единомышленником Достоевского и, как можно с уверенностью предположить, оказывал на него непосредственное влияние.) Подобные высказывания писателя позволяют исследователю заключить: *"Для Страхова нигилизм - это "продукт Запада". <...> ...Страхов трактовал его как принципиально чужеродное российской жизни явление"*.⁸⁴ Однако такая трактовка отношения Страхова к нигилизму прямо противоречит его собственным словам; показательным, что аналогичное упрощение проблемы нередко встречается и в связи с Достоевским.

Нельзя не обратить внимание на многократное сопоставление нигилистов и западников у Достоевского: *"Вот завоняют-то про меня нигилисты и западники, что ретроград!"*,⁸⁵ *"Нигилисты и западники требуют окончательной плети..."*⁸⁶ - подобные высказывания являются одним из постоянных лейтмотивов работы писателя над "Бесами". Исследователями это сопоставление зачастую понимается буквально: так, по мнению Н.Ф.Будановой, русский нигилизм для Достоевского - *"болезнь переходного времени, имеющая западно-европейские истоки"*, *"явление чужеродное, не имеющее глубоких корней в национальной почве"*.⁸⁷ Однако при более внимательной работе с источниками становится очевидно: писатель ни в коей мере не ощущает это

явление *чужеродным* для России - оно имеет здесь свои корни, свою специфику. И хотя нигилизм есть порождение западников, он остается при этом вполне российским явлением, двойственным и парадоксальным. Роман "Бесы" (а также связанные с ним подготовительные материалы и письма) показывает, насколько мучительна и трудноразрешима была для Достоевского проблема соотношения в нигилизме западного и отечественного начала. Тем более любопытно, что Страхов, соратник Достоевского по борьбе с нигилизмом с начала 60-х годов, смог убедительно сформулировать данный парадокс и привести эти полюса к общему знаменателю еще в 1868 г.:

*"...нигилизм нельзя рассматривать как простое отражение на нас Запада, а следует видеть в нем чисто русское явление, возникшее только под влиянием западных явлений. <...> ...нигилизм хотя развился под влиянием Запада, но главные свои условия нашел в особенностях нашего внутреннего развития".*⁸⁸ Как будет видно далее из наших выводов по поводу нигилизма в оценке Достоевского, он вполне мог бы подписаться под этими словами. Можно предположить, что подобная формулировка Страхова-критика - несомненно, известная писателю - могла показаться Достоевскому-художнику несколько упрощенной, недостаточно всеохватной, и писателю понадобился роман "Бесы" для того, чтобы выразить схожую мысль своими средствами.

Однако вернемся к Страхову; в очерке 1868 г. "Бедность нашей литературы", в главе "Нигилизм. Причины его происхождения и силы", он лишь пунктиром намечает две линии, - две стороны нигилизма - впоследствии развитые в работах о Грановском и Герцене. Одна из этих сторон тяготеет к Западу, к упомянутому выше "отречению от своего": *"...умственные явления Запада дали точки опоры для развития нашего нигилизма... Нигилизм, какого бы оттенка он ни был, всегда характеризуется великим уважением к Западу... Это та сторона нигилизма, в которой обнаруживается недостаток у нас самостоятельного развития - наше подчинение Западу".*⁸⁹ Данное направление в российском западничестве, оказавшее непосредственное влияние на наш нигилизм, Страхов и Достоевский назовут иронически *"европейничание"*; его подробный анализ Страхов даст годом позже в статье о Грановском, которая сыграет важную роль в формировании замысла "Бесов".

Кратко охарактеризовав сторону нигилизма, тяготеющую к "чистому западничеству", Страхов обращается к противоположной его стороне, неизбежно приходящей рано или поздно к полному отрицанию Запада: *"Во-вторых, нигилизм есть не что иное, как крайнее западничество - западничество, последовательно развившееся и дошедшее до конца. В этом отношении он представляет действительный, неизбежный прогресс... <...> Глядя на Запад, мы если преклонялись перед его духовною жизнью, то должны были последовательно отрицать всю русскую жизнь, весь ее смысл. <...> ...можно было предвидеть, что это признание, покупаемое такую дорогою ценою... должно дойти до такого же полного отрицания".*⁹⁰

Эти мысли лягут в основу цикла статей Страхова о Герцене, которому здесь посвящено лишь несколько слов. Говоря о глубоком разочаровании в европейских ценностях, постигшем русскую мысль, Страхов указывает: *"Сознание такого отчаянного положения выразилось у нас с большою силою. Сюда именно относится деятельность Герцена раньше издания "Колокола". Остроумная и глубоко грустная книжка "С того берега" выражает как нельзя лучше положение русского, оторвавшегося от России и вполне убедившегося, что он не может примкнуть к Европе, что жизнь Запада не может его привязать к себе, не дает никакой тищи его душе".*⁹¹ Приведенные строки являются своеобразным конспектом одной из будущих статей Страхова о Герцене. Более подробно об этих статьях будет сказано далее; пока же остановимся на Грановском, с которым Страхов постоянно сопоставляет Герцена, и собственно на том, что Страхов называет "европейничанием".

* * *

В "Критических заметках" 1869 г. Страхов неоднократно характеризует Грановского как *чистого западника*: *"Из всех своих современников... Грановский есть самый совершенный и наиболее имевший влияние тип чистого западника...". "Это был чистый западник, т.е. западник еще совершенно неопределенный, который одинаково сочувственным взглядом обнимал всю историю Европы, все ее жизненные явления". "Повторяем, Грановский есть наилучший тип чистого*

западничества".⁹² Вслед за Страховым эту же характеристику использует и Достоевский - первое упоминание Грановского в черновиках "Бесов" сопровождается замечанием: *"Портрет чистого и идеального западника со всеми красотами"*; ⁹³ из этой записи позже родится Степан Трофимович Верховенский, "прямой отец Нечаева".

Следует, однако, иметь в виду, что *"чистый западник"* в понимании Страхова - отнюдь не синоним *"идеального"*, а скорее свидетельство ограниченности и несамостоятельности. Сравнение Грановского с Герценом, сделанное Страховым в работе о последнем, лишь подчеркивает эту несамостоятельность. Если Герцен был настоящий *"западный человек, который слился всею душою с западною жизнью"*, то Грановский *"остался на степени неопределенного, общего западнического направления"*. Если из всех западников *"один Герцен прямо примкнул к самым живым струям тогдашней жизни Европы, к ее философскому и общественному движению"* ⁹⁴ и стал настоящим европейцем, то Грановскому и его последователям Страхов оставляет лишь *"европейничание"*: *"Не принадлежат сами к Европе, мы, Русские... бываем способны и расположены смотреть на нее со стороны... Картина является нам издали, в общих и крупных чертах... и потому мы только созерцаем, одинаково всеми любимы и всех жалеем, сочувствуем в одно время и победителям и побежденным"*.⁹⁵

Прилагая подобную характеристику к герою своего исследования, Страхов иронизирует: *"Итак, сочувствие всему прекрасному и великому, где бы и как бы оно ни являлось, есть единственная формула, в которую можно уловить направление Грановского"*.⁹⁶ В то же время, он признает заслуги Грановского как первого среди русских западников, как талантливого и вдохновенного преподавателя, хотя и упрекает в непонимании российской истории. Но гораздо более вредны, с точки зрения Страхова, те западники, которые и в шестидесятые годы - в эпоху нигилизма - пытаются придерживаться неопределенного *"чистого западничества"*. Об этом он говорит еще в *"Бедности нашей литературы"*: *"...напрасно некоторые наши западники чураются нигилизма, утверждая, что ныне, как встарь, можно питаться западными взглядами и идеями, нисколько не впадая в нигилизм"*.⁹⁷

Развивая далее эту идею, Страхов вновь сближается с Достоевским, который, как известно, и в жизни, и в творчестве все доводил *"до последнего предела"*, *"до последствий"*. *"В настоящее время... -* отмечает Страхов, *- быть таким неопределенным и общим западником уже невозможно"*. Он указывает на то, что лагерь западников, ослабленный разногласиями и разочарованиями, рискует полностью лишиться влияния и своей роли в общественной жизни; таким образом, западникам остается *"или отказаться вовсе от западничества, или же - постараться вернуться назад, к прежнему более выгодному положению"* - в итоге *"западники стали отстаивать свою исходную точку, поклонение и подражание западу, и вместе отрицать все последствия, порожденные в нашем умственном мире этим поклонением"*.⁹⁸

Одним из этих последствий Страхов называет нигилизм, который *"чистые западники"* предпочитают не замечать или признавать несуществующим. Практически буквальная цитата из Страхова является следующая черновая запись Достоевского: *"В Степане Трофимовиче выразить невозможность... оставаться с одним европейничанием. "Прими все последствия, ибо неестественный для русского европеизм ведет к тому" - он же не понимает и хнычет"*.⁹⁹ В *"Бесах"* означенное непонимание выражено в полной мере; задавшись целью понять молодое поколение, Степан Трофимович первым делом берется за романы *"Отцы и дети"* и *"Что делать?"*. И если идеи Чернышевского кажутся Верховенскому-старшему знакомыми, хотя и извращенными до неузнаваемости, то Базарова он искренне называет *"...какое-то фиктивное лицо, не существующее вовсе... ни на что не похожее"*.¹⁰⁰

Именно об этом Достоевский скажет позже: *"Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если бы им сказали, что они прямые отцы Нечаева"*.¹⁰¹ О самообмане такого рода весьма в резком тоне говорил и Страхов. *"Эти лукавые усилия, это возвращение к чистому западничеству... Как всякая неправда, как умышленное затемнение нашей умственной истории, - это направление не может ничего принести, кроме вреда, и потому заслуживало бы подробного разоблачения"*.¹⁰² Подробное

разоблачение явилось на свет в виде романа "Бесы"; в нем Достоевский старался показать, что доля вины "чистого западника" Грановского-Верховенского в зарождении и распространении нигилизма куда больше, нежели доля вины Герцена, которому хватило мужества трезво оценить "блудных детей" своего поколения и взять на себя ответственность за "все последствия".

* * *

Один из лейтмотивов цикла статей Страхова о Герцене - его особая роль среди российских западников. Неоднократно перечисляя в одном ряду имена Станкевича, Грановского, Белинского, Бакунина и других, Страхов неизменно подчеркивает исключительное положение Герцена среди этих деятелей, называет его *"самою крупною звездою в этой первоначальной плеяде западников"*.¹⁰³ Для Страхова Герцен - не просто антагонист "чистого", восторженного, некритичного западничества в духе Грановского; Герцен - единственный мыслитель, который, с точки зрения критика, по-настоящему заслуживает названия западника. *"Очевидно, Герцен в силу своего ума и таланта далеко опередил массу своих бывших единомышленников"*, - утверждает Страхов в заключение своей работы. Если в Грановском воплотилась лишь одна из сторон русского западничества, то в Герцене, *"как в большом русском писателе, не могло быть односторонности, исключительности; последовательно, а иногда и одновременно в нем говорили все стороны живого отношения к Западу"*.¹⁰⁴

О Герцене как о наиболее значительной фигуре среди западников говорил и Достоевский в очерке 1873 г. "Старые люди": *"Герцену как будто сама история предназначила выразить собою в самом ярком типе этот разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия"*. Рядом с этими словами - упоминавшаяся выше ироническая оценка Герцена (а вместе с ним и других западников) как "эмигранта от рождения": *"Они все, ему подобные, так прямо и рождались у нас эмигрантами, хотя большинство их не выезжало из России"*.¹⁰⁵ Данное замечание Достоевского, хотя и сближает Герцена с "ему подобными", в то же время указывает на главное их различие, о котором в схожих выражениях говорил Страхов тремя годами ранее:

"Его [Герцена] суждения, как суждения русского человека, совершенно освоившегося с Западом, должны иметь для нас вес гораздо больший, чем суждения многих людей, никогда не приходивших в живое соприкосновение с западною жизнью".¹⁰⁶ Вслед за Страховым, Достоевский подчеркивает принципиальную разницу между Герценом и "чистыми западниками". Если для Страхова наиболее показательным примером подобного типа был Грановский, то Достоевский в "Старых людях" сравнивает Герцена с Белинским. (По этому поводу нельзя еще раз не вспомнить фразу *"Наши Белинские и Грановские не поверили бы... что они прямые отцы Нечаева"*,¹⁰⁷ - соседство имен здесь явно не случайно, как и отсутствие имени Герцена.)

При всей неоднозначности, которую несет в себе характеристика *"gentilhomme russe et citoyen du monde"* (мы подробно говорили об этом выше), Достоевский признает: *"Без сомнения, это был человек необыкновенный... <...> Это был художник, мыслитель, блестящий писатель, чрезвычайно начитанный человек, остроумец, удивительный собеседник... и великолепный рефлектер. Рефлексия, способность сделать из самого глубокого своего чувства объект, поставить его перед собою, поклониться ему и сейчас же, пожалуй, и насмеяться над ним, была в нем развита в высшей степени"*.¹⁰⁸ Характеризуя Герцена подобным образом, Достоевский в известной степени повторял наблюдения Страхова - *нигилизмом* Герцена тот называл, в частности, именно его способность к беспощадной рефлексии, к переоценке собственных ценностей и приоритетов: *"Это было вольнодумство до того страшное, резкое, сознательное, последовательное, что оно... переходило в воззрения прямо противоположные, почти равнялось отречению от всякого вольнодумства"*.¹⁰⁹

Названную черту Герцена особенно высоко должен был ценить Достоевский - *"старый нечаевец"*, прошедший через *"горнило сомнений"*. Белинскому, каким его изображает автор "Дневника писателя", подобные сомнения неведомы: *"Белинский, может быть, кончил бы эмиграцией, если бы прожил дольше... и скитался бы теперь маленьким и восторженным старичком с прежнею теплою верой, не допускающей ни малейших сомнений, где-нибудь по конгрессам Германии и*

Швейцарии...". Основной чертой Белинского, таким образом, Достоевский называет ту же ограниченность взглядов, неспособность широко мыслить и двигаться вперед, которой Страхов характеризовал тип "чистого западника", давшего начало русскому нигилизму: *"Белинский был по преимуществу не рефлексивная личность, а именно беззаветно восторженная, всегда, во всю его жизнь"*.¹¹⁰

Продолжая сравнение Белинского с Герценом, Достоевский утверждает, что в отношении к социализму Белинский был *"гораздо слепее Герцена, который, кажется, под конец усумнился"*;¹¹¹ схожую точку зрения высказывал Страхов в финале своей работы о Герцене. Однако в данном вопросе и Достоевский, и Страхов явным образом жертвуют истиной ради тенденции. По словам Страхова, начало расхождения западников и Герцена положили *"Письма из Avenue Marigny"* последнего, и именно *"Белинский печатно высказал возникшее разногласие"*.¹¹² Однако приведенная Страховым цитата, будто бы подкрепляющая данное утверждение, отнюдь не является прямым указанием на расхождение: *"Действительно, - замечает Белинский, - автор невольно впал в ошибочность при суждении о современном состоянии Франции... Несмотря на это, в "Письмах из Avenue Marigny" так много живого, увлекательного, интересного, умного и верного, что нельзя не читать их с удовольствием, даже во многом не соглашаясь с автором"*.¹¹³

Как видно из этих слов, о *разногласии* Белинского с Герценом следует говорить крайне осторожно. Страхов, а вслед за ним и Достоевский, предпочел не заметить того, что отдаление Белинского от идей социализма происходило еще с середины 1840-х годов, причем влияние Герцена играло здесь не последнюю роль. По указанию Е.Ю.Тихоновой, *"Важное значение в становлении новых воззрений Белинского имела полемика вокруг "Писем из Avenue Marigny" Герцена"*:¹¹⁴ то есть, *"Письма"* Герцена гораздо в большей степени соответствовали воззрениям Белинского конца сороковых годов, чем это пытается показать Страхов. *"Разумеется, в своих взглядах на Францию Герцен был тысячекратно правее, чем Белинский и его друзья"*,¹¹⁵ - критик вновь противопоставляет Герцена большинству западников, будто бы далеких от понимания эволюции его взглядов. Но если слова Грановского, которые приводит Страхов, действительно являются прямым возражением Герцену, то отзыв Белинского носит гораздо более "лояльный" характер. Таким образом, страховский оборот *"Белинский и его друзья"* можно сравнить с привычным для Достоевского оборотом *"нигилисты и западники"*: обе формулировки претендуют на обобщение, но при ближайшем рассмотрении очевидно, что речь в обоих случаях идет о самых разных представителях эпохи, зачастую достаточно далеких друг от друга.

Как замечает исследователь, *"Белинскому пафос "Писем" Герцена был понятен... <...> Белинский более других оказался солидарен с ним..."*,¹¹⁶ - это стало возможным именно по причине того, что взгляды Белинского эволюционировали в направлении, близком Герцену; но ни Страхов, ни Достоевский не говорят об этом ни слова. Тем не менее, отношения Достоевского к Белинскому принижать не следует: *"я страстно принял все учение его"*,¹¹⁷ - вспоминает автор "Старых людей". Показательно, впрочем, что очерк о Герцене и Белинском многозначительно завершен неоконченной фразой: *"Четыре года каторги была длинная школа; я имел время убедиться..."*.¹¹⁸ Главную разницу между Белинским и Герценом, между Белинским и собой Достоевский видит именно в способности к переоценке ценностей, к готовности *"отдать дорогое, если мы убедимся, что оно не истинно"*.¹¹⁹ И можно с уверенностью сказать о том, что подобный взгляд на Белинского и Герцена сложился у Достоевского не без влияния Страхова.

* * *

Основные положения работы Страхова о Герцене, по всей видимости, были близки Достоевскому: *"Вы чрезвычайно удачно поставили главную точку Г<ерцена> - пессимизм"*, - пишет он Страхову по прочтении первой статьи из цикла. *"И каково же это будет, когда Вы докажете, что Г<ерцен> раньше многих других сказал, что Запад гниет? Что скажут западники времен Грановского? Не знаю, то ли будет у Вас, я только предугадываю"*.¹²⁰ Предположение Достоевского оказалось верным: дальнейшая задача Страхова состояла именно в том, чтобы показать разницу в отношении к Западу Герцена и "чистых западников" - эту разницу видел и

Достоевский.

Он также фиксирует внимание еще на одной "главной точке Герцена" (по мнению Достоевского, отчасти обойденной Страховым): "...он был, всегда и везде, - *поэт по преимуществу...*" ¹²¹ Следует заметить, однако, что Страхов говорит об этой черте Герцена - пусть и несколькими иными словами - в самом начале своей работы: "*При имени Герцена невольно должна бы вспоминаться и та грустная дума, которая постоянно томила этого человека... которая составляет главное содержание его литературной деятельности... <...> он был рожден более всего мыслителем, в значительной степени художником, и мы увидим, как мало согласовалась роль агитатора с тем направлением, которое лежало в основе его образа мыслей и творчества*". ¹²²

Таким образом, Страхов, как и Достоевский, придавал большее значение литературной деятельности Герцена, в которой он был "поэтом" и даже "художником", чем его революционной пропаганде. Позиция Страхова встречает резкое неприятие Линды Герштейн, автора единственной монографии о его жизни и творчестве. Анализируя отношение Страхова к Герцену, Герштейн обвиняет критика в предвзятости, в намеренной избирательности: "*Если страховский анализ Герцена выглядит односторонним, причиной этому то, что Страхова не интересовала политика; тогда как Герцен... был и оставался весьма политизированной личностью. <...> ...образ Благородного Отрицателя, в котором Герцен представляется Страхову, более применим к вымышленному персонажу Базарову... Когда теория, восхищавшая Страхова, стала практикой, он возненавидел ее и отмежевался от нее*". ¹²³

Слова Герштейн можно истолковать следующим образом: Страхов берет одну из важнейших мыслей Достоевского о том, что всякая благая идея опошляется, попадая "на улицу", но подходит к ней как бы с противоположной стороны. Если Достоевского, как правило, интересует ситуация, в которой благая идея получает дурное воплощение, то Страхова, напротив, в данном случае интересует "высший тип нигилиста", который он видит в Герцене, - а не вульгарные толкователи герценовских идей. Однако вряд ли это справедливо: говоря о Герцене, Страхов многократно оговаривался насчет того, как мало похож нигилизм Герцена на всевозможные "ходячие формы нигилизма", в своей неопределенности прямо наследующие "чистому западничеству". "*В чистом своем виде, то есть так, как он явился у Герцена, нигилизм - глубокое и искреннее усилие мысли, и потому вовсе не представляет тех отвратительных черт, в которых он является на своих низших степенях и в своих обыкновенных отклонениях*". ¹²⁴

Таким образом, Страхов как раз приближается к вышеназванной мысли Достоевского, подчеркивая разницу между Герценом и его "блудными детьми". Статьи о Герцене публиковались в 1870 г., во время активной работы Достоевского над "Бесами"; данный этап многолетнего, прямого и косвенного, диалога двух писателей следует признать одним из самых плодотворных с точки зрения интенсивности обмена идеями и взаимного влияния. Изучая различные воплощения одного и того же явления, Страхов и Достоевский решали совместными силами общую задачу; если оба писателя сходились в том, что нигилизм теснейшим образом связан с западничеством, то на рубеже десятилетий Достоевского в большей степени занимал "*нигилизм как продукт западничества*", тогда как Страхов работал над анализом "*нигилизма как преодоленного западничества*".

* * *

Как уже говорилось выше, возникновение и развитие нигилизма Достоевский считал прямым следствием деятельности западников, "*проповедников нашей национальной несамобытности*". Эту преемственность поколений не отрицали и сами западники - в частности, Герцен и Тургенев. Когда автор очерка "По поводу "Отцов и детей" называл себя "неисправимым западником" и следом заявлял о своей готовности называться нигилистом, для Достоевского такое признание было особенно знаменательным: ведь именно Тургенев, дав нигилизму - по замечанию Страхова - "*имя и образ*", стал первооткрывателем явления как такового. ¹²⁵ И если Достоевский и Страхов неоднократно писали о нежелании западников узнавать в нигилистах собственных детей, то

заявление Тургенева, - хотя и возмущившее автора "Бесов" - вполне соответствовало его же умозаключениям о связи нигилизма с западничеством и выглядело вполне логичным для Тургенева как для западника. А в том, что Тургенев - *"коренной, неисправимый западник"*,¹²⁶ Достоевский едва ли мог усомниться.

Таким образом, Достоевский и Страхов дали словам Тургенева принципиально разное истолкование. Автор "Бесов" счел их достаточным основанием (хотя, разумеется, и не единственным - подробнее об этом будет сказано в соответствующей главе) для того, чтобы поставить писателя в ряд "прямых отцов Нечаева" и изобразить в своем романе под именем Кармазинова, *"тайно сочувствующим нечаевской партии"*.¹²⁷ Реакция Страхова была иной: решительно отказывая Тургеневу в праве называться нигилистом, критик подверг серьезной ревизии сами понятия "западничество", "нигилизм"; размышления Страхова на эти темы в связи с Тургеньевым не только вплотную примыкают к его работе о Герцене, но и носят на себе следы прямого влияния этого писателя.

Очерк Тургенева "По поводу "Отцов и детей", вошедший в "Литературные и житейские воспоминания", дважды привлекал внимание Страхова: речь о нем идет в работах "Еще за Тургенева" и "Последние произведения Тургенева" соответственно 1869 и 1871 гг. (статьи о Герцене публиковались как раз в промежутке, в 1870 г.). Примечательно, что для двух заметок о Тургеньеве, опубликованных в журнале "Заря" в 1869 г., Страхов воспользовался старым псевдонимом *Н.Косица*, под которым в начале десятилетия он выступал в журнале "Время"; это позволило критику в полной мере высказать свою иронию по поводу тургеньевского очерка: *"Еще бы не удивиться! Еще бы не прийти в крайнее изумление! Тургеньев - нигилист! Тургеньев разделяет убеждения Базарова! Да что же может быть удивительнее подобной новости?"*¹²⁸

Рассуждая о том, насколько верна и верна ли автохарактеристика Тургенева, Страхов замечает: *"Поэтам не всегда следует верить, когда они принимают сами истолковывать свои творения"*. Ключом к решению вопроса оказывается тургеньевская же оговорка - на первый взгляд, не слишком значительная. По словам Страхова, *"Сам г. Тургеньев замечает, что он не разделяет мнений Базарова об искусстве. А разве это шутка или мелочь? Разве отрицание искусства не связано теснейшим образом с другими убеждениями Базарова? Разве можно быть нигилистом, как объявляет себя г. Тургеньев, и не отрицать искусства? Посмотрите при этом, как странны и нерешительны выражения, в которых г. Тургеньев заявляет свое сочувствие нигилизму. В дневнике он замечает, что чувствует к Базарову невольное влечение. От невольного влечения до сознательного сочувствия очень далеко"*.¹²⁹ Однако у Тургенева, как показывает Страхов, "невольное влечение" оказывается сильнее "сознательного сочувствия": идейная направленность произведений подчиняется художественной выразительности.

В более ранних статьях об "Отцах и детях" и "Преступлении и наказании" Страхов отмечал такие черты подлинного, *крайнего* нигилизма, как последовательность, верность собственным убеждениям и готовность отстаивать их до последнего, непримиримость с чем бы то ни было из существующего; эти черты имеют мало общего с "ходячими формами нигилизма", о которых писали и Страхов, и Достоевский, и сам Тургенев. Тем удивительнее, подчеркивает теперь Страхов, что Тургенев изобразил себя одним из так называемых *"нестрых нигилистов, которые, например, любят искусство, или во время грозы читают "Отче наш", не замечая, что подобными склонностями и действиями противоречат своим началам"*.¹³⁰ Сравнивая Тургенева-художника и Тургенева-мыслителя с точки зрения верности выбранной линии и, как следствие, убедительности, Страхов без сомнений отдает предпочтение первому: по мнению критика, в данном случае художественный талант писателя возобладал над его общественно-политическими воззрениями. Схожая мысль была высказана Герценом в работе "Еще раз Базаров": *"Тургеньев был больше художник в своем романе, чем думают, и оттого сбился с дороги... шел в комнату, попал в другую, зато в лучшую"*.¹³¹ Как и Страхов, Герцен обоснованно сомневается в полном сочувствии Тургенева-мыслителя (не говоря уже о Тургеньеве-художнике) убеждениям Базарова.

Достоевский воспринял признание Тургенева в собственном нигилизме как шаг неискренний и лукавый, как продуманный ход с расчетом "на публику" - в первую очередь, на молодежь; с точки зрения Страхова, Тургенев неосознанно выдал желаемое за действительное. Если Достоевский

сделал из признания Тургенева далекоидущие выводы, то Страхов попросту отказал автору "Отцов и детей" в его притязаниях, указав на то, что слова Тургенева опровергаются его же творчеством: *"...тот пестрый нигилизм, который он [Тургенев] теперь исповедует, нисколько не согласуется с его поэтической деятельностью"*, причем *"заслуги и смысл этой деятельности гораздо выше, чем полагает сам г. Тургенев"*. Более того, Страхов подверг сомнению само западничество Тургенева. *"Если поверить его словам, то он все время был искренним западником; а между тем, чему он послужил своими произведениями? Он беспрестанно казнил и развенчивал западничество. <...> Такова благотворная сила поэзии!"*¹³² По мнению Страхова, все изображенные Тургеневым западники так или иначе демонстрировали свою несостоятельность практически во всех жизненных сферах, что на деле способствовало лишь дискредитации западничества.

В заключение заметки "Еще за Тургенева" Страхов подчеркивает половинчатый, компромиссный характер нигилизма, носителем которого является Тургенев: *"...г. Тургенев в сущности скептик... он нигилист не потому, что будто бы любит Базарова и разделяет его убеждения, а потому что он не нашёл никаких убеждений и умеет лишь ко всему относиться отрицательно... в этой характеристике г. Тургенев выходит несравненно лучше, чем он сам себя рекомендует в своем первом томе"*.¹³³ Поскольку Николай Николаевич был внимательным читателем "Полярной звезды" и работ Герцена в частности, мы можем предположить, что подобная точка зрения сложилась у Страхова не без влияния статьи Герцена "Еще раз Базаров", где нигилизм Тургенева был охарактеризован практически теми же словами:

"Разумеется, если под нигилизмом мы будем понимать... превращение фактов и мыслей в ничего, в бесплодный скептицизм, в надменное "сложна руки", в отчаяние, ведущее к бездействию, тогда настоящие нигилисты всего меньше подойдут под это определение, и один из величайших нигилистов будет И. Тургенев, бросивший в них первый камень, и, пожалуй, его любимый философ Шопенгауэр".¹³⁴ Еще нагляднее влияние Герцена проявилось в статье Страхова "Последние произведения Тургенева" ("Заря" #2, 1871 г.), где воззрения автора "Отцов и детей" были прямо охарактеризованы как *"легкий нигилизм и легкий шопенгауэризм"*.¹³⁵ Напомним, что вскоре после публикации заметки "Еще за Тургенева" в этом же журнале "Заря" (## 3, 4, 12, 1870 г.) был напечатан цикл работ о Герцене, на примере которого Страхов подробнейшим образом изложил свое понимание западничества и нигилизма в их наивысшем развитии.

Прямой идейный продолжением этого цикла явилась статья "Последние произведения Тургенева"; она охватывает ряд сочинений писателя почти за десятилетие, - с 1863 по 1871 гг. - наибольшее внимание среди которых уделяется роману "Дым". В целом тему статьи, по нашему мнению, более логично было бы определить как *"Тургенев после "Отцов и детей"*. Здесь Страхов занят решением проблем, поставленных в заметке "Еще за Тургенева": какова природа того западничества, которое проповедует Тургенев, и каков тот нигилизм, к которому он пытается примкнуть? Старые вопросы получают новое, более точное и решительное разрешение.

* * *

Итак, продолжая развенчивать западничество Тургенева, Страхов вновь обратился к "Дыму", к образу Потугина, в котором автор, по его словам, *"хотел представить совершенного западника"*.¹³⁶ Важно заметить, что среди современников, чье неприятие вызвал "совершенный западник", были и Страхов, и Достоевский, и Герцен; последнему Тургенев писал по этому поводу 22 мая <н.ст.> 1867 г.: *"Тебе наскучил Потугин, и ты сожалешь, что я не выкинул половину его речей. Но представь: я нахожу, что он еще недостаточно говорит, и в этом мнении утверждает меня всеобщая ярость, которую возбудило против меня это лицо"*.¹³⁷ Замечание Тургенева по поводу "всеобщей ярости" не было гиперболой: отзывы о романе в целом и о Потугине в частности носили по большей части негативный характер. В отдельном издании "Дыма" автор сделал существенные дополнения к первоначальному варианту, касавшиеся именно Потугина и его размышлений о европейской цивилизации.

Не случайно в 1871 г. Страхов вернулся к "Дыму", подробную статью о котором он напечатал еще в 1867 г. - вскоре после выхода романа в "Русском вестнике": сейчас его внимание привлекли в

первую очередь фрагменты, отсутствовавшие в журнальном варианте (в статье "Последние произведения Тургенева" Страхов неоднократно иронизирует над тем, что важнейшие для автора романа заявления программного характера появились лишь в отдельном издании, не прозвучав при первой публикации). Разумеется, было бы преувеличением считать, что Потугин есть alter ego Тургенева; однако ряд отмеченных Страховым текстуальных совпадений между воспоминаниями Тургенева и высказываниями этого героя позволяет заключить, что многие реплики Потугина являются прямым выражением авторской позиции. С этой точки зрения их и анализирует Страхов.

Один из добавленных позднее фрагментов посвящен славянофильству, которое критикует Потугин. *"Заметки Тургенева против славянофильства не лишены меткости и силы, - замечает критик, - но, очевидно, не составляют ничего целого... ничего еще не доказывают; спор нужно перенести на другое поле, на попроще положительных убеждений"*. Страхов ставит закономерный вопрос о том, какова та позитивная программа западничества, которую Тургенев готов предложить славянофилам в ответ, и не находит ее. *"Тургенев, Потугин и Литвинов только тогда имеют право назваться западниками, если исповедуют какие-нибудь начала западной жизни... Ну вот, что же это за начала? Что выработано Европою? <...> Что нам будет проповедовать такой знаменитый и искушенный западник, как Тургенев?.. Не правда ли, что это любопытно, и не правда ли, что это законное любопытство... обманывается самым жестоким образом?"* ¹³⁸

По мнению Страхова, тургеневская пропаганда западничества оказывается несостоятельной не только на уровне идей, но и на уровне художественных образов; об этом критик говорил и ранее, в заметке "Еще за Тургенева". Однако если там речь шла лишь о том, что все западники, изображенные писателем, составляют галерею болезненных типов русского общества, своего рода *лазарет* (здесь также повторяется эта мысль), то теперь Страхов ставит проблему более масштабно. Среди тургеневских персонажей, как указывает критик, нет ни одного европейца, - и вообще иностранца - который превосходил бы наших соотечественников по *"мягкости сердца и широте ума"*. И если это утверждение Страхова может показаться излишне категоричным, то следующее наблюдение выглядит в высшей степени справедливым: намеренно ли, случайно ли, Тургенев выставляет в непривлекательном свете не только и не столько европейцев, сколько саму Европу.

"Потугин недаром называет Баден противным; - замечает Страхов, - противен он, очевидно, и Тургеневу; противным он и нарисован".¹³⁹ Действительно: если Литвинову, главному герою "Дыма", *"все людское, особенно все русское"* представляется *"дымом"*, то эту призрачность бытия в изображении Тургенева олицетворяет не Россия, а именно Баден-Баден. Несколько раз спрашивая в начале романа, зачем же Литвинов оказался в Бадене (повтор вопроса явным образом указывает на его риторический характер), Тургенев будто бы намеренно подчеркивает, что его персонажам нечего делать здесь. Дальнейшие описания времяпрепровождения героев романа среди *"большого света в таком модном месте, каков Баден"* ¹⁴⁰ лишь подтверждают это.

Характерно, что именно в Бадене в 1867 году произошла ссора Достоевского с Тургеневым; именно в этом городе автор "Дыма" будто бы сказал: *"Знайте, что я здесь поселился окончательно, что я сам считаю себя за немца, а не за русского, и горжусь этим!"* В пристрастном пересказе Достоевского эта реплика носит отчасти болезненный характер (*"Он ужасно рассердился..."*, *"Он побледнел..."* и т.п.),¹⁴¹ как будто Тургенев убеждает скорее самого себя, нежели своего собеседника. Можно предположить в этом рассказе некоторую долю художественного вымысла (ситуация, в которой персонаж Достоевского пытается убедить в чем-либо самого себя, убеждая при этом собеседника, регулярно встречается в его произведениях); но показательно, что Страхов видит признания Тургенева в его западничестве со схожей точки зрения, находя слова писателя неуверенными и нерешительными.

По мнению критика, западнические убеждения писателя отнюдь не разумеются из его произведений сами собой, и Тургенев чувствует это; поэтому он вынужден "открытым текстом" заявить о своей преданности европейским началам - в "Дыме" и в "Литературных воспоминаниях". Однако это не помогает делу - ни *"вставочные рассуждения о западной цивилизации, из которых состоят речи Потугина"*, ни "Воспоминания", где *"Тургенев счел нужным уже прямо от себя настаивать на своем западничестве"*,¹⁴² ничего не говорят о том, что именно исповедует

"неисправимый западник" и какие конкретно *начала* имеются в виду. Ответ на этот вопрос Страхов находит - как нам представляется, вполне закономерно - в упоминавшемся выше заявлении Тургенева о Базарове: "...за исключением воззрений на художества, - я разделяю почти все его убеждения".¹⁴³

Действительно, в очерке "По поводу "Отцов и детей" это - единственное уточнение западнической позиции Тургенева, что позволяет сделать Страхову два принципиальных вывода. Первый из них продолжает мысль, высказанную ранее в работе "Бедность нашей литературы": "Свидетельство Тургенева, объявляющего себя в одно время и западником и нигилистом, есть важнейшее доказательство того, что наш русский нигилизм нашел себе главную пищу, главную поддержку в учениях наших давнишних наставников немцев".¹⁴⁴ Но для нас в данном случае более важен второй вывод, где речь идет о характере исповедуемого Тургеневым нигилизма; поскольку писатель исключает из него отрицание искусства и, по предположению Страхова, "многие другие вещи, например, отрицание любви", этот нигилизм существенно отличается от базаровского: "...неверие, сомнение, скептицизм, не тот положительный, яркий материализм, который иногда исповедуют последовательные немцы, а просто отсутствие живых верований, прочных основ для мысли... Объявляя себя нигилистом, не говорит ли нам прямо Тургенев, что Европа потеряла всякие руководящие нити, что она не выработала себе начал, а, напротив, утратила всякие начала?"¹⁴⁵

Столь категоричное заявление Страхова может показаться преувеличением, - чтобы понять, верно ли это, обратимся вновь к разнице между Тургеневым-художником и Тургеневым-мыслителем, которую подчеркивал критик, к разнице между авторским замыслом и результатом. Заметим, что об этом, со своей стороны, говорил и Тургенев в связи с "Отцами и детьми": "В деле сочинительства всякий (сужу по себе) делает не то, что хочет, а то, что может - и насколько удастся".¹⁴⁶ Нет сомнения в том, что признание Тургенева - столь важное и, вероятно, непростое для него - в верности западничеству и сочувствии Базарову следует принимать вполне всерьез, равно как и слова Потугина о "чрезвычайной преданности европейским началам". Тем резоннее вопросы, которые задавал Страхов еще в 1867 г. в статье, посвященной "Дыму": "Какие начала понимает Потугин?.. Свободу печати или систему предостережений? Народность или космополитизм? Социализм или политическую экономию?.. Что-нибудь и как-нибудь да должен был бы обозначить Потугин. Ничуть не бывало. Он совершенно довольствуется тем, что сказал".¹⁴⁷

Действительно, ни о каких специфически европейских явлениях, ни о каких *началах*, кроме "образованности", "цивилизации", у Потугина нет и речи - все заключения Страхова подтверждены тургеневским текстом. Неудивительно, что позже критика заинтересовали "вставочные рассуждения [Потугина] о западной цивилизации": он вновь искал ответ на вопрос о том, что же исповедуют западники, находя вместо него лишь самые общие рассуждения - как в новой редакции "Дыма", так и в "Воспоминаниях" Тургенева. Показательно для Страхова было и то, что именно в Европе, именно по следам европейских впечатлений вся жизнь начинает казаться Литвинову *дымом*: изображенная писателем Европа, по мнению критика, "находится в период блуждания и искания, в период нигилизма", кроме которого нашим западникам фактически "ничего проповедовать".¹⁴⁸ Таким образом, Страхов отказывал Тургеневу в праве называться западником, поскольку не находил каких бы то ни было составляющих этого западничества; напротив, направленность "Дыма" вполне обоснованно представлялась Страхову антизападнической, хотя это и входило в противоречие с заявленной Тургеневым задачей.

Напомним, что статья "Последние произведения Тургенева" была опубликована непосредственно вслед за циклом работ о Герцене. В статье Страхов подверг сомнению самую возможность существования в современном ему российском обществе действительных западников, тогда как Герцен был для критика едва ли не единственным исключением. И если у Тургенева Страхов находил лишь "легкий нигилизм и легкий шопенгауэрзм", то западничество Герцена переродилось в "нигилизм в самом чистом своем виде". Но если Герцен был настоящий "западный человек, который слился всею душою с западною жизнью" и - единственный изо всех западников - "прямо примкнул к самым живым струям тогдашней жизни Европы",¹⁴⁹ то западничество Тургенева "не содержит в себе действительной преданности началам, выработанным европейской жизнью;

*оно есть не что иное, как некоторого рода нигилизм, заимствованный из отрицательных и мрачных учений современной Европы, нигилизм, положим, и верующий в свою плодотворность, надеющийся перейти в нечто положительное, но... не представляющий возможности другой проповеди, кроме отрицания. Мы видим, что... запад в настоящую минуту не дает веры, что в самом чистом виде влияние, им производимое, есть скептицизм".*¹⁵⁰

Не случайно слова Страхова вновь перекликаются с работой Герцена "Еще раз Базаров". Нигилизм Тургенева, как говорилось выше, представлялся автору статьи как *"бесплодный скептицизм... отчаяние, ведущее к бездействию"*, - в отличие от нигилизма Белинского, Бакунина, петрашевцев и самого Герцена, который характеризовался как *"безусловная покорность опыту и безропотное принятие всех последствий, какие бы они ни были, если они вытекают из наблюдения, требуются разумом"*.¹⁵¹ В работах Страхова о Тургеневе и о Герцене, написанных на рубеже 1860-70-х гг., мы не находим прямого сопоставления двух писателей, каждого из которых автор считал ярчайшим представителем российского западничества и своего рода нигилистом. Однако таким сопоставлением, по существу, является сам факт последовательного появления этого ряда статей, связанных общей проблематикой, в течение сравнительно короткого периода времени в одном и том же журнале: две заметки о Тургеневе под псевдонимом *Н.Косица*, цикл статей о Герцене и статья "Последние произведения Тургенева" вышли в "Заре" между сентябрем 1869 г. и февралем 1871 г. (к ним примыкает и работа, посвященная Грановскому, о которой мы подробно говорили выше).

Лейтмотивом названных работ является тезис, высказанный и кратко развернутый Страховым в "Бедности нашей литературы": *"Прежде всего нигилизм есть некоторое западничество"*.¹⁵² Разница между нигилизмом Герцена и нигилизмом Тургенева, как ее понимает Страхов, находится в прямой зависимости от характера западничества одного и другого. И если критик не признавал западником Тургенева-мыслителя, то с Тургеневым-художником дело обстояло иначе: *"Тургенев - западник преимущественно в том, что он воспитан на западном искусстве, что он носит в себе его идеалы и с их высоты смотрит на жизнь. Вот что всего больше отрывает его от России, что поддерживает его скептицизм относительно русской жизни"*, - подчеркивает Страхов в заключительной части статьи "Последние произведения Тургенева".¹⁵³

Западноевропейская философия и западноевропейское искусство, на которых "воспитан" Тургенев (о чем он сам пишет в "Литературных воспоминаниях"), заставляют его быть нигилистом до той степени, чтобы "все русское" воспринималось им - хотя бы и глазами одного из его персонажей - как "дым". Однако, как честный художник, Тургенев не идеализирует и Европу; в изображении писателя и она остается до некоторой степени "дымом" - за это говорит собственно сюжет одноименного романа. Таким образом, присущий Тургеневу *компромиссный нигилизм* является отражением его *неполного западничества*. Для достижения нигилизма в высшем его развитии Тургеневу, по мнению Страхова, не хватало последовательности, не хватало последнего шага, который смог сделать Герцен.

Уже в 1868 году Страхов называл Герцена *"наш первый отчаявшийся западник"*.¹⁵⁴ Причиной этому отчаянию было то, что Герцен, избежав "европейничания", сильнее всех западников воспринял европейские *начала*, теснее их "слился с западной жизнью" и жил ее идеями: он до такой степени близко узнал Европу и настолько глубоко преклонялся перед нею, что это преклонение, по мнению Страхова, не могло не обернуться своей противоположностью - разочарованием. О закономерности подобного перехода речь шла еще в "Бедности нашей литературы": из всех явлений и настроений европейской жизни *"наибольшее сродство с нашим умственным настроением"* нашел *"Печальный, всеотрицающий взгляд на человеческие отношения"*,¹⁵⁵ все подвергающий сомнению и распространяющийся на все сферы бытия. Соответственно, подобный взгляд, заимствованный нами у Запада, рано или поздно должен был неизбежно обратиться и на сам Запад.

Как западник, Герцен оказался в этом отношении гораздо последовательнее Тургенева: *"Никто из русских так не любил Европу, никто так не обманывался в ней и с такою силою не отрекался от нее, когда увидел свой обман"*.¹⁵⁶ Ко второй половине 1860-х гг. Тургенев видел несостоятельность Европы (что вполне выражено в "Дыме"), но не был готов признаться в этом ни читающей

публике, ни самому себе; Герцену хватило мужества на подобный шаг, и *"пламенная вера обратилась в глубочайшее неверие"*. Если желание Тургенева называться нигилистом вызывает у критика лишь иронию, то нигилизм Герцена как *"последовательное развитие нашего западничества"* и *"скептический взгляд на Европу"*¹⁵⁷ не только несомненен для Страхова, но и удостоен его высочайшей оценки. Если Тургенев-мыслитель, в отличие от Тургенева-художника, не составил *"украшения нашей литературы"*,¹⁵⁸ то Герцен как мыслитель ушел далеко вперед, и его нигилизм вызывает у Страхова лишь уважение.

Напомним, что в первой половине десятилетия Страхов вел активную борьбу с нигилизмом во "Времени" и "Эпохе" (*"...во мне было постоянно какое-то органическое нерасположение к нигилизму"*, - говорил он сам об этом моменте своей деятельности),¹⁵⁹ а в 1868 г. нигилизм характеризовался критиком как *"великое множество безобразий"*.¹⁶⁰ Однако о нигилизме Герцена говорится совсем в ином ключе: *"Нигилизм Герцена есть одно из проявлений напряженной идеальности русского ума и сердца... Мудрость настоящего нигилизма есть сомнение и безвыходный мрак"*.¹⁶¹ В понимании Страхова, переоценка ценностей была для Герцена честным, но крайне сложным и болезненным шагом; и хотя разочарование Герцена в Европе было не чем иным, как результатом естественного развития его западничества, для большинства западников оно явилось *"опасною и вредною ересью"*,¹⁶² - им не доставало последовательности Герцена, Страхова и Достоевского.

О нежелании "чистых западников" идти вперед и быть последовательными Страхов говорил еще в статье о Грановском: *"западники стали отстаивать... поклонение и подражание западу, и вместе отрицать все последствия, порожденные в нашем умственном мире этим поклонением"*.¹⁶³ Одно из таких последствий западничества, как показывает Страхов на примере Герцена, - отречение от Запада и духовное возвращение на родину. И именно последнего факта западники (первым среди которых вновь назван Грановский) не простили Герцену - они *"не хотели разделять веры Герцена в Россию, в самобытность и своеобразие ее развития, и постоянно укоряли Герцена в том, что он поддерживает мнения их общих врагов - славянофилов"*.¹⁶⁴ Заметим, что Достоевский, как было указано выше, подвергал некоторому сомнению возможность безоговорочной и полной веры Герцена в Россию - писатель видел Герцена скорее "на предпоследней ступени" к этому. Можно предположить, что Достоевский сравнивал Герцена с самим собой и находил свою перемену убеждений более выстраданной, более сознательной. Работа Страхова о Герцене весьма созвучна размышлениям Достоевского рубежа шестидесятых-семидесятых годов; многие ее мотивы перекликаются с "Бесами", а также сопутствующими роману подготовительными материалами и письмами, что вновь указывает на факт взаимного влияния Достоевского и Страхова в данный период.

* * *

Начиная разговор о нигилизме Герцена, Страхов пишет о том, насколько труднодостижимо такого рода мировоззрение, насколько редки у нас подобные проявления последовательного западничества: *"Сперва отречение от своего, потом - отречение и от чужого. Это и есть настоящий нигилизм, или по крайней мере его исходная точка. На этой точке удержаться трудно; человек редко бывает последователен, и чистая свобода есть дело столь же мудреное, как и чистый разум. Сколько у нас нелепых людей, сохранивших все признаки, все привычки умственного рабства, и однако же беспрестанно хвастающихся свободою!"*.¹⁶⁵ Выше уже шла речь о том, что Герцен - в первую очередь как атеист - сблизился в восприятии Достоевского с некоторыми его героями, и один из них - самоубийца Кириллов в "Бесах". (Заметим, что Кириллова по первом прочтении высоко оценил Страхов: *"Нигилист Кириллов - удивительно глубок и ярок"*, - писал он Достоевскому в письме от 12 апреля 1871 г.)¹⁶⁶ Тем любопытнее, что слова Страхова о присутствии большинству западников и нигилистов "умственного рабства", которое смог преодолеть Герцен, весьма схожи с характеристикой, данной Кириллову Шатовым, еще одним из персонажей "Бесов".

В ответ на слова Хроникера о том, что Кириллов, *"кажется, помешан на атеизме"*, Шатов

замечает: *"Русский атеизм никогда дальше каламбура не заходил. <...> от лакейства мысли все это"*.¹⁶⁷ Важно заметить, что Шатов и Кириллов - в прошлом друзья и единомышленники - в романе являются скорее идейными антагонистами. Так, для Кириллова *"нет выше идеи, что Бога нет"* ¹⁶⁸ и через самоубийство он сам собирается стать Богом; в свою очередь, бывший социалист Шатов утверждает, что *"атеист не может быть русским"*,¹⁶⁹ и проповедует теорию о русском народе как народе-"богоносце", хотя не может дать окончательного ответа на вопрос, верует ли он сам в Бога. Эта "двуликость" русского нигилизма, изображенная Достоевским, фактически является прямым отражением аналогичной "двуполосности", присущей русскому западничеству и установленной Страховым. Уточним, что Достоевский видел атеизм важнейшей составляющей западничества (он подчеркивает это, например, в цитирувавшемся выше письме к А.Н.Майкову от 16 (28) августа 1867 г.);¹⁷⁰ поэтому вполне естественно, что две стороны нигилизма, характеризовавшиеся Страховым как тяготение к Западу и отдаление от него, воплотились в двух героях Достоевского, стоящих на пути, соответственно, к "совершеннейшему атеизму" и "совершеннейшей вере".

Здесь время вспомнить формулу, которой Страхов охарактеризовал Герцена в заключение своей работы о нем: *"Отчаявшийся западник превратился в нигилистического славянофила..."*.¹⁷¹ По-видимому, под "нигилистическим славянофилом" подразумевается мыслитель, чья вера в самобытное развитие России есть "продукт" последовательно развившегося до конца и преодоленного западничества, причем сила этой веры прямо пропорциональна силе былого увлечения Западом. Нельзя не заметить, что страховская формула как нельзя лучше характеризует одного из упомянутых выше героев "Бесов" - Шатова. В свое время убежденный западник, социалист и даже член общества Петра Верховенского, Шатов *"радикально изменил некоторые из прежних социалистических убеждений и перескочил в противоположную крайность"*.¹⁷² Речь не случайно идет о "крайностях" - как и у Герцена, вера Шатова в европейский социализм была безгранична, и тем болезненнее отказ от нее: *"Да, я не мог тотчас же оторваться с кровью от того, к чему прирос с детства, на что пошли все восторги моих надежд и все слезы моей ненависти... Трудно менять богов"*,¹⁷³ - говорит этот герой о расставании со своими прежними убеждениями.

Столь же мучительно аналогичный процесс происходил и у Герцена: *"Сомнение заносило свою тяжелую ногу на последние достояния..."* - пишет он об усилении реакции в Европе с 1848 года. - *Все заветное, что мы любили, к чему стремились, чему жертвовали, жизнь обманула, история обманула, обманула в свою пользу"*.¹⁷⁴ Таким образом, весьма показательно то, что "нигилистический славянофил" Герцен, по мнению Страхова, свободен от характерного для наших западников "умственного рабства", тогда как устами Шатова Достоевский говорит о присущем им же "лакействе мысли": ведь путь нигилиста Шатова от крайнего западничества к крайнему анти-западничеству практически идеально иллюстрирует схему Страхова, обозначенную в "Бедности нашей литературы" и "реализованную" в работе о Герцене. Более того: если на протяжении большей части романа Шатов предстает перед нами как *"одно из тех идеальных русских существ, которых вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит их собою..."*,¹⁷⁵ то рождение сына освобождает героя из-под груза придавившей его идеи - кстати говоря, *чужой* идеи, так что это и есть освобождение от вышеозначенного "умственного рабства". Как и западничество в свое время, анти-западничество перестает быть для Шатова религией, единственным смыслом в жизни; незадолго до своей трагической гибели он, подобно Герцену, приближается к "чистой свободе".

К свободе стремится и Кириллов; однако, как и Шатов, он "придавлен" чужой идеей. Выше мы подробно говорили о причинах, по которым Достоевский охарактеризовал Герцена и своего героя одной и той же формулой, - *"gentilhomme russe et citoyen du monde"* (*"русский дворянин и гражданин мира"*): в целом, эти причины сводятся к атеизму. Именно в атеизме, в идее Человекобога коренится несвобода Кириллова; он говорит о своей готовности *"показать непокорность и новую страшную свободу мою"*,¹⁷⁶ но способ для этого лишь один - самоубийство. Несвободу Кириллова очевидным образом усиливает тот факт, что он связан обещанием взять на себя перед смертью все преступления Петра Верховенского и его товарищей, - в первую очередь,

убийство Шатова. Не случайно именно Шатов подчеркивал ограниченность атеистического мировоззрения Кириллова, говоря о "лакействе мысли". И если к Шатову вполне подходит страховская характеристика Герцена "нигилистический славянофил", то на Кириллова указывают приведенные выше слова Страхова: *"Сколько у нас нелепых людей, сохранивших все признаки, все привычки умственного рабства, и однако же беспрестанно хвастающихся свободой!"*.¹⁷⁷ Кириллов, однако, в полной мере сознает свое "рабство": *"Я еще только бог поневоле и я несчастен, ибо обязан заявить своеволие... Я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь"*.¹⁷⁸ Он "хвалится" не столько свободой, сколько готовностью достичь ее любой ценой, - это сближает его с Герценом не только и не столько в видении Достоевского, сколько в интерпретации Страхова.

Если Достоевский говорит о невозможности достижения полной свободы как для Кириллова, так и для Герцена, то Страхов также говорит о свободе Герцена достаточно осторожно: *"он пытался быть действительно свободным"*.¹⁷⁹ Как уже говорилось выше, своеобразным камнем преткновения в отношении к Герцену для Достоевского был его атеизм; разумеется, столь важного момента не мог обойти и Страхов. Рассуждая о принципиальной антирелигиозности Герцена, критик заключает: *"для него все религии суть уклонения человеческого ума от прямого пути, но из этих уклонений наименьшим он находит православие"*.¹⁸⁰ С точки зрения Страхова, это обстоятельство говорит в пользу Герцена; однако по той причине, что Герцен приемлет православие лишь "от противного", как наименьшее из зол, Страхов называет его *"во многих отношениях... истинно русским человеком"*:¹⁸¹ во многих, но не во всех. В понимании Достоевского и Страхова, Герцен освободился от "умственного рабства", но при этом остался *"на предпоследней верхней ступени до совершеннейшей веры"*: полностью преодолеть разрыв с родной почвой оказалось невозможно.

Мы постарались показать, что Шатов и Кириллов, двое нигилистов из "Бесов", некоторыми своими чертами близки Герцену в восприятии Достоевского и Страхова: Шатов - как преодолевший "умственное рабство" нигилистический славянофил; Кириллов - как стремящийся к абсолютной свободе, борющийся с "лакейством мысли" атеист и "гражданин мира". Нет ли противоречия в том, что с одним и тем же деятелем сближаются два героя Достоевского, стоящие на пути, соответственно, к православию и к крайней форме атеизма? Ответ на этот вопрос мы находим в заключительной части работы Страхова о Герцене. *"Очевидно, Герцен в силу своего ума и таланта далеко опередил массу своих бывших единомышленников"*, - утверждает критик; если в Грановском воплотилась лишь одна из сторон русского западничества, то в Герцене, *"как в большом русском писателе, не могло быть односторонности, исключительности; последовательно, а иногда и одновременно в нем говорили все стороны живого отношения к Западу"*.¹⁸²

Чем глубже был заочный "диалог" Достоевского с Герценом, тем характернее для нас тот факт, что в "Бесах" личность Герцена дана не только в косвенном противопоставлении нечаевцам, но и отражена в двух пер-сонажах, представляющих своего рода две крайних точки русского нигилизма. Можно предположить, что здесь имело место прямое влияние Страхова, в работе которого Герцен, с одной стороны, олицетворял обе крайности русского западничества и, с другой стороны, был - в очевидно преувеличенной степени - дистанцирован от революционного движения: *"Роль агитатора только отчасти совпала с его взглядами, большую часть она им резко противоречила; это была неудачная и несчастная роль, принесшая немало вреда нам, немало горя и раскаяния самому Герцену"*.¹⁸³

16 04 2002 -

Примечания:

¹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Т.15. СПб., 1996. С.60.

² Долинин А.С. Достоевский и Герцен. // Долинин А.С. Достоевский и другие. Л., 1989. С.156.

▲³ Лицинер С.Д. Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий. // Русская литература. 1972. #2. С.37.

▲⁴ Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М.Достоевского. СПб., 1883. С.240.

▲⁵ Долинин А.С. Указ.соч. С.145.

▲⁶ Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях. // Достоевский Ф.М., Полное собрание сочинений в 30 томах. Л., 1972-1990. Т.5. С.59.

В дальнейшем ссылки на все произведения Ф.М.Достоевского, за исключением статей из "Дневника писателя", даются по вышеуказанному изданию.

▲⁷ Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. М., 1960. Т.ХХVII (1). С.217.

▲⁸ Герцен А.И. Новая фаза в русской литературе. // Герцен А.И. Собрание сочинений в 8 томах. М., 1975. Т.8. С.265.

▲⁹ Там же. С.264, 265.

▲¹⁰ См. по этому поводу письмо Герцена Огареву от 8-9 января 1868 г. (27-28 декабря 1867 г.). // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т.ХХIX. С.256.

▲¹¹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Т.15. С.357-358.

▲¹² Там же. С.356.

▲¹³ Лицинер С.Д. Указ.соч. С.54.

▲¹⁴ Герцен А.И. Еще раз Базаров. // Герцен А.И. Собрание сочинений в 8 томах. Т.8. С.309.

▲¹⁵ Там же. С.316.

▲¹⁶ См. по этому поводу: Буданова Н.Ф. Достоевский и Тургенев : творческий диалог. Л., 1987. С.76.

▲¹⁷ Герцен А.И. Еще раз Базаров. С.305.

▲¹⁸ Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т.ХХIX. С.352.

▲¹⁹ Ср. с оценкой "Преступления и наказания" "революционно-демократическими кругами ("Современником", "Искрой" ...), увидевшими в нем нападение на передовое студенчество и вообще революционную молодежь 1860-х годов". (Т.28 (2). Комментарии к письмам. С.482.)

▲²⁰ Водовозова Е.Н. На заре жизни. Воспоминания в 2 томах. М., 1987. Т.2. С.110.

▲²¹ Ср. с мнением о Базарове Степана Трофимовича Верховенского в "Бесах": именно нигилисты "первые и отвергли его тогда, как ни на что не похожее". (Т.10. С.171.)

▲²² Герцен А.И. Былое и думы. М., 1945. С.744.

▲²³ Там же. С.739-741.

▲²⁴ Буданова Н.Ф. Указ.соч. С.73.

▲²⁵ Герцен А.И. Еще раз Базаров. С.307.

▲²⁶ Радек Л.С. Герцен и Тургенев. Литературно-эстетическая полемика. Кишинев, 1984. С.107.

▲²⁷ Т.11. С.72.

▲²⁸ Буданова Н.Ф. Указ. соч. С.64.

▲²⁹ Страхов Н.Н. Критические заметки. // Заря. 1869. #7. Отд. II. С.174.

- ▲³⁰ Тургенев И.С. По поводу "Отцов и детей". // Тургенев И.С. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1956. Т.10. С.350.
- ▲³¹ Там же.
- ▲³² Т.10. С.171.
- ▲³³ Т.29 (1). С.260.
- ▲³⁴ Герцен А. И. Еще раз Базаров. С.309.
- ▲³⁵ Тургенев И.С. По поводу "Отцов и детей". С.349-351.
- ▲³⁶ Т.11. С.102, 114.
- ▲³⁷ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма. М.; Л., 1962. Т.Х. С.39.
- ▲³⁸ Герцен А.И. Указ.соч. С.315-316.
- ▲³⁹ Карякин Ю.Ф. Прозрения и ослепления (О "Бесах"). // Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века. М., 1989. С.220.
- ▲⁴⁰ Там же. С.217, 220.
- ▲⁴¹ См., например: 29 (1). С.111-112.
- ▲⁴² Лищинер С.Д. Указ.соч. С.57.
- ▲⁴³ Т.29 (1). С.260.
- ▲⁴⁴ Герцен А.И. Указ.соч. С.315-316.
- ▲⁴⁵ Тургенев И.С. По поводу "Отцов и детей". С.349.
- ▲⁴⁶ Одна из современных фальшей. Собр. соч. в 15 т. Т.12. С.152-153.
- ▲⁴⁷ Там же. С.148.
- ▲⁴⁸ Бурин С.Н. Судьбы безвестные. М., 1994. С.21.
- ▲⁴⁹ Лурье Ф.М. Нечаев: Созидатель разрушения. М., 2001. С.125. См. по этому поводу также: Козьмин Б.П. Герцен, Огарев и "молодая эмиграция". // Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961.
- ▲⁵⁰ См., например: 1) Оксман Ю.Г. Судьба одной пародии Достоевского. // Красный архив. 1923. Т.3. 2) Сараскина Л.И. В поисках Слова (Сочинители в произведениях Достоевского). // Сараскина Л.И. "Бесы": роман-предупреждение. М., 1990.
- ▲⁵¹ Огарев Н.П. Студент. // Русские поэты. Антология в четырех томах. М., 1966. Т.3. С.215-216.
- ▲⁵² Спасович В.Д. Сочинения. Т.V. СПб., 1893. С.144-145.
- ▲⁵³ Успенская А. Воспоминания шестидесятницы. // Былое. 1922. #18. С.35.
- ▲⁵⁴ Т.10. С.423.
- ▲⁵⁵ Сараскина Л.И. Указ.соч. С. 125.
- ▲⁵⁶ Карякин Ю.Ф. О философско-этической проблематике романа "Преступление и наказание". // Достоевский и его время. Л., 1971. С.170.
- ▲⁵⁷ Бурин С.Н. Указ.соч. С.30.
- ▲⁵⁸ Т.10. С.294.
- ▲⁵⁹ Там же. С.513.

- ▲⁶⁰ Там же. С.473.
- ▲⁶¹ Достоевский Ф.М. Старые люди. Собрание сочинений в 15 томах. Т.12. С.9.
- ▲⁶² Т.5. С.63.
- ▲⁶³ Т.28 (2). С.211.
- ▲⁶⁴ Буданова Н.Ф. Указ.соч. С.180.
- ▲⁶⁵ Собрание сочинений в 15 томах. Т.15. С.357-358.
- ▲⁶⁶ Т.11. С.65.
- ▲⁶⁷ Литературное наследство. М., 1973. Т.86. С.85-86.
- ▲⁶⁸ Старые люди. С.9.
- ▲⁶⁹ Т.11. С.10-11.
- ▲⁷⁰ Страхов Н.Н. Герцен. // Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. В 2 т. СПб., 1887-1890. Т.1. С.138.
- ▲⁷¹ Собрание сочинений в 15 томах. Т.15. С.486.
- ▲⁷² Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т.ХХІХ. С.326.
- ▲⁷³ Там же. С.332.
- ▲⁷⁴ Т.29 (1). С.113.
- ▲⁷⁵ Карякин Ю.Ф. Прозрения и ослепления (О "Бесах"). С.217, 219.
- ▲⁷⁶ Т.29 (1). С.112-113.
- ▲⁷⁷ Твардовская В.А. Достоевский в общественной жизни России (1861-1881). М., 1990. С.97.
- ▲⁷⁸ Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т.VI. С.29.
- ▲⁷⁹ Подробнее об этом см.: Дрыжакова Е.Н. Достоевский и Герцен (У истоков романа "Бесы"). // Достоевский. Материалы и исследования. 1. Л., 1974. С.235-239.
- ▲⁸⁰ Страхов Н.Н. Критические заметки. С.161, 164.
- ▲⁸¹ Страхов Н.Н. Герцен. С.4.
- ▲⁸² Там же. С.113.
- ▲⁸³ Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы. // Страхов Н.Н. Литературная критика. СПб., 2000. С.75.
- ▲⁸⁴ Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики. Л., 1972. С.101, 100.
- ▲⁸⁵ Т.29 (1). С.116.
- ▲⁸⁶ Там же. С.113.
- ▲⁸⁷ Буданова Н.Ф. Указ.соч. С.47, 60.
- ▲⁸⁸ Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы. С.78, 80.
- ▲⁸⁹ Там же. С.75-76.
- ▲⁹⁰ Там же. С.76-77.

- [▲91](#) Там же. С.78.
- [▲92](#) Страхов Н.Н. Критические заметки. С.153, 159, 173.
- [▲93](#) Т.11. С.65.
- [▲94](#) Страхов Н.Н. Герцен. С.51.
- [▲95](#) Страхов Н.Н. Критические заметки. С.159, 160.
- [▲96](#) Там же. С.161.
- [▲97](#) Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы. С.76.
- [▲98](#) Страхов Н.Н. Критические заметки. С.164-165.
- [▲99](#) Т.11. С.176.
- [▲100](#) Т.10. С.171.
- [▲101](#) Т.29 (1). С.260.
- [▲102](#) Страхов Н.Н. Критические заметки. С.166.
- [▲103](#) Страхов Н.Н. Герцен. С.51.
- [▲104](#) Там же. С.137.
- [▲105](#) Достоевский Ф.М. Старые люди. Собрание сочинений в 15 томах. Т.12. С.9.
- [▲106](#) Страхов Н.Н. Герцен. С.54.
- [▲107](#) Т.29 (1). С.260.
- [▲108](#) Старые люди. С.10.
- [▲109](#) Страхов Н.Н. Указ.соч. С.113.
- [▲110](#) Старые люди. С.13, 10.
- [▲111](#) Там же. С.11.
- [▲112](#) Страхов Н.Н. Указ.соч. С.135.
- [▲113](#) Цит. по: там же. С.135-136.
- [▲114](#) Тихонова Е.Ю. В.Г.Белинский в споре со славянофилами. М., 1999. С.105.
- [▲115](#) Страхов Н.Н. Указ.соч. С.136.
- [▲116](#) Тихонова Е.Ю. Указ.соч. С.107.
- [▲117](#) Старые люди. С.13.
- [▲118](#) Там же. С.14.
- [▲119](#) Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т.VI. С.29.
- [▲120](#) Т.29 (1). С.112-113.
- [▲121](#) Там же.
- [▲122](#)

Страхов Н.Н. Герцен. С.2-3.

- ▲[123](#) Gerstein Linda. Nikolai Strakhov. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1971. С.129-131.
- ▲[124](#) Страхов Н.Н. Герцен. С.120.
- ▲[125](#) Страхов Н.Н. Последние произведения Тургенева. // Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С.Тургеневе и Л.Н.Толстом. 4-е изд. Киев, 1901. С.105.
- ▲[126](#) Тургенев И.С. По поводу "Отцов и детей". С.349.
- ▲[127](#) Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Т.Х. С.39.
- ▲[128](#) Страхов Н.Н. Еще за Тургенева. // Критические статьи об И.С.Тургеневе и Л.Н.Толстом. С.82.
- ▲[129](#) Там же. С.85, 86.
- ▲[130](#) Там же. С.82.
- ▲[131](#) Герцен А.И. Еще раз Базаров. С.309.
- ▲[132](#) Там же. С.87, 95.
- ▲[133](#) Там же. С.97.
- ▲[134](#) Герцен А.И. Еще раз Базаров. С.319.
- ▲[135](#) Страхов Н.Н. Последние произведения Тургенева. // Критические статьи об И.С.Тургеневе и Л.Н.Толстом. С.120.
- ▲[136](#) Цит. по: Тургенев И.С. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1954. Т.4. Примечания. С.492.
- ▲[137](#) Там же. Т.12. С.372-373.
- ▲[138](#) Страхов Н.Н. Последние произведения Тургенева. С.114, 117.
- ▲[139](#) Там же. С.118.
- ▲[140](#) Тургенев И.С. Дым. // Собрание сочинений в 12 томах. Т.4. С.13.
- ▲[141](#) Т.28 (2). С.211.
- ▲[142](#) Страхов Н.Н. Последние произведения Тургенева. С.119.
- ▲[143](#) Тургенев И.С. По поводу "Отцов и детей". С.349.
- ▲[144](#) Страхов Н.Н. Последние произведения Тургенева. С.119.
- ▲[145](#) Там же. С.119, 120.
- ▲[146](#) Тургенев И.С. По поводу "Отцов и детей". С.351.
- ▲[147](#) Страхов Н.Н. Дым. // Страхов Н.Н. Литературная критика. С.230.
- ▲[148](#) Страхов Н.Н. Последние произведения Тургенева. С.123, 120.
- ▲[149](#) Страхов Н.Н. Герцен. С.51.
- ▲[150](#) Страхов Н.Н. Последние произведения Тургенева. С.124.
- ▲[151](#) Герцен А.И. Еще раз Базаров. С.319, 318.
- ▲[152](#) Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы. С.75.

- ▲[153](#) Страхов Н.Н. Последние произведения Тургенева. С.126, 127.
- ▲[154](#) Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы. С.78.
- ▲[155](#) Страхов Н.Н. Там же. С.77.
- ▲[156](#) Страхов Н.Н. Герцен. С.96.
- ▲[157](#) Там же. С.104, 126, 120.
- ▲[158](#) Страхов Н.Н. Еще за Тургенева. С.95.
- ▲[159](#) Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М.Достоевского. С.234-235.
- ▲[160](#) Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы. С.74.
- ▲[161](#) Страхов Н.Н. Герцен. С.122, 120.
- ▲[162](#) Там же. С.135.
- ▲[163](#) Страхов Н.Н. Критические заметки. С. 165.
- ▲[164](#) Страхов Н.Н. Герцен. С.136-137.
- ▲[165](#) Там же. С.113-114.
- ▲[166](#) Письма Н.Н.Страхова Ф.М.Достоевскому. // Шестидесятые годы: материалы по истории литературы. М.-Л., 1940. С.271.
- ▲[167](#) Т.10. С.110.
- ▲[168](#) Там же. С.471.
- ▲[169](#) Там же. С.197.
- ▲[170](#) Т.28 (2). С.210.
- ▲[171](#) Страхов Н.Н. Герцен. С.138.
- ▲[172](#) Т.10. С.27.
- ▲[173](#) Там же. С.196.
- ▲[174](#) Герцен А.И. Былое и думы. С.471.
- ▲[175](#) Т.10. С.27.
- ▲[176](#) Там же. С.472.
- ▲[177](#) Страхов Н.Н. Герцен. С.114.
- ▲[178](#) Т.10. С.472.
- ▲[179](#) Страхов Н.Н. Герцен. С.114.
- ▲[180](#) Там же. С.123.
- ▲[181](#) Там же. С.138.
- ▲[182](#) Там же. С.137.
- ▲[183](#) Там же. С.2.